

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1

Мэгги Доэрти

Равноправные

История
искусства,
женской
дружбы

и эмансипации
в 1960-х

Sisters

UNITE

and FIGHT

Гендерные исследования

Мэгги Доэрти

**Равноправные. История
искусства, женской дружбы
и эмансипации в 1960-х**

«НЛО»

2020

УДК 94(73)«196»]-055.2
ББК 63.3(7Coe)63-284.3

Доэрти М.

Равноправные. История искусства, женской дружбы и эмансипации в 1960-х / М. Доэрти — «НЛО», 2020 — (Гендерные исследования)

ISBN 978-5-4448-1647-9

Осенью 1960 года в престижном женском колледже Рэдклифф — одной из «Семи сестер» Гарварда — открылась не имевшая аналогов в мире стипендиальная программа для... матерей. С этого момента Рэдклифф стал центром развития феминистского искусства и мысли, придав новый импульс движению за эмансипацию женщин в Америке. Книга Мэгги Доэрти рассказывает историю этого уникального проекта. В центре ее внимания — жизнь пяти стипендиаток колледжа, организовавших группу «Эквиваленты»: поэтесс Энн Секстон и Максин Кумин, писательницы Тилли Олсен, художницы Барбары Свон и скульптора Марианны Пинеды. Участницы группы бросили вызов патриархальному «американскому счастью» начала 1960-х, в котором идеалом женщины была ухоженная домохозяйка, обслуживающая уютный дом и большую семью. Рэдклиффская программа помогла многим женщинам реализовать свои творческие амбиции, и книга Доэрти — это волнующий рассказ о женском профессиональном и творческом сообществе, подобных которому не было в американской истории. Мэгги Доэрти — писательница и литературный критик, преподаватель Гарвардского университета. Статьи автора публиковались в журналах «The New Yorker», «The New York Times», «The New York Review of Books», «The Nation» и других.

УДК 94(73)«196»]-055.2
ББК 63.3(7Coe)63-284.3

ISBN 978-5-4448-1647-9

© Доэрти М., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

Предисловие	7
Часть I	16
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	40
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мэгги Доэрти
Равноправные. История искусства,
женской дружбы и эмансипации в 1960-х
Моим родителям

Предисловие

Летом 1962-го поэтесса Энн Секстон много плавала. За несколько месяцев до публикации второй книги, на пороге славы, она могла успокоиться только в воде. Когда было достаточно тепло для купания, Энн выходила из дома, раздевалась донага и соскальзывала в бассейн на заднем дворе. Она наслаждалась солнцем, гладкостью воды, тишиной утра. Со двора открывался вид на старую железную дорогу, а на периферии зрения, за старыми, покатыми холмами с площадками для гольфа, держа путь в бостонскую гавань через Ньютон-Лоуэр-Фолс, текла река Чарльз.

Джой и Линде – маленьким дочерям Секстон – не нравилось, что их мама купалась голышом. Но летом детей часто не было дома: они проводили время с няней или свекровью Секстон, которая нередко помогала за ними приглядывать. Чтобы работать, Энн нужно было время: хотя она серьезно занялась поэзией только пять с половиной лет назад, по собственной прихоти, ее первый сборник заслужил восторженные отзывы критиков. Собратья по перу уважали Секстон; некоторые из них верили в ее будущий успех. Секстон была прирожденным оратором: эта грациозная женщина с длинными стройными ногами и узкими бедрами неизменно имела успех у слушателей поэтических чтений. Но при этом Энн была лабильной и тревожной: она нуждалась в частом отдыхе от материнских обязанностей, в возможности расслабиться, чтобы избежать срывов. Так что в то лето по утрам Секстон спокойно плавала из одного конца восьмиметрового бассейна в другой.

За ритуальным поклонением солнцу обычно следовали занятия поэзией. Энн экспериментировала с новыми стихами, редактировала старые, писала письма. Одним из главных проектов того лета для нее стал разбор правок следующего авторского сборника стихов. Издание второй книги Секстон было запланировано *Houghton Mifflin* на октябрь; уважаемый поэт Роберт Лоуэлл, друг и в прошлом учитель Энн, уже дал согласие на то, чтобы она процитировала некоторые из его хвалебных отзывов. Будь у Секстон желание, она могла бы поехать на Гарвардскую площадь в Кембридже и заняться разбором правок в доме с остроконечным фасадом, где она и еще двадцать три женщины, у каждой из которых был свой небольшой офис, творили, учились и работали. Но Секстон предпочитала работать дома, особенно теперь, когда она могла, к радости мужа, заниматься не только за обеденным столом.

Домашний кабинет Энн построили прошлым летом. В письме другу она назвала это помещение деревянной башней, возведенной там, где прежде располагалось крыльцо. В «башне» было одно широкое окно, выходящее на задний двор. Сидя за столом, Секстон могла видеть сосны и голубые холмы, но, работая, она отворачивалась от окна: «Природа... становится мне врагом», – объяснила поэтесса. Иногда за работой Энн сидела в офисном кресле с прямой спинкой, но чаще, положив ноги на один из многочисленных книжных шкафов, располагалась на красном стуле с мягкой обивкой¹. Она могла часами сидеть в таком положении, черпая вдохновение из собранных на полках произведений великих писателей, со многими из которых – например, Кафкой, Рильке и Достоевским – познакомилась совсем недавно и многих из которых полюбила. Однажды Секстон призналась в одном из писем: «Я запасаясь книгами. Они – люди, которые меня не покинут»².

У работы из дома было еще одно преимущество. Секстон жила всего в нескольких минутах езды от своей лучшей подруги, поэтессы Максин Кумин. Высокая, стройная и темноволосая Кумин на первый взгляд могла показаться сестрой-близнецом Секстон, но затем наблю-

¹ *Middlebrook D. Anne Sexton: A Biography. Boston, 1992. P. 128.*

² *Секстон Э. Письмо Д. Фарреллу от 16 июля 1962 года // Sexton A. A Self-Portrait in Letters / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 143.*

датель замечал ее спортивное телосложение, глаза со слегка нависающими веками, угловатое лицо. Она тоже жила в пригороде, была матерью и издала сборник стихов. Кроме того, Кумин стала для Секстон главным источником эмоциональной и творческой поддержки.

В начале 1960-х жизни поэтесс были прочно переплетены: подруги каждый день говорили по телефону – иногда о своем писательском опыте, а иногда просто о жизни. Они по очереди присматривали за детьми и подносили коктейли мужьям. А когда Секстон установили бассейн, у подруг появилась отрадная привычка, которая позволила сочетать работу и игру. Кумин привозила детей поплавать, женщины садились на край бассейна с пишущими машинками на коленях и, болтая ногами в воде, вместе работали над детской книгой, с удовольствием ненадолго отвлекаясь от своих взрослых сочинений³. И хотя обычно Секстон тяготили общественные мероприятия, зачастую она была рада компании Кумин, с которой чувствовала себя комфортно.

Но, как правило, по утрам Кумин занималась детьми у себя дома, и Секстон могла наслаждаться одиночеством. Тем летом в дообеденное время Энн была предоставлена сама себе, никто не требовал ее внимания – ни муж, ни дети, ни свекровь, ни даже подруга. Весь прекрасный, волшебный день принадлежал ей одной.

И в этих летних днях всё – бассейн, работа, одиночество, вторая книга, еще одно место, где Секстон могла писать, и даже дружба с Кумин – появилось в результате нового эксперимента в сфере высшего образования для женщин. Осенью 1960-го в престижном женском колледже Рэдклифф – школе, которая в то время являлась одной из «Семи сестер» Гарварда, – открылась не имеющая аналогов стипендиальная программа для членов чрезвычайно широкого, но при этом маргинализованного класса американцев: матерей. Микробиолог Мэри Полли Инграхам Бантинг, президент колледжа Рэдклифф, инициировавшая создание этой стипендии, говорила, что Рэдклиффский институт независимых исследований был основан для того, чтобы избавиться от существующего в середине XX века «климата заниженных ожиданий»⁴ по отношению к американским женщинам. По мнению Бантинг, большинство блестящих студенток колледжей отказывались от мечты стать научными работниками или художниками лишь потому, что не представляли, как можно заниматься исследованиями или писать книгу, одновременно посвящая себя семье и хозяйству. Новая программа была призвана вернуть «интеллектуально сегрегированным женщинам» возможность заниматься любимым делом⁵.

Каждой женщине, принятой Институтом на должность «младшей научной сотрудницы», полагалась стипендия в размере до 3000 долларов (эквивалент 25 000 долларов в наши дни) на любые траты. Кроме того, каждая женщина получала доступ к библиотечным фондам Гарварда и отдельный кабинет – ту самую «свою комнату» – в небольшом желтом доме номер 78 на Маунт-Оберн-стрит, всего в нескольких кварталах от Гарвард-Ярд. Будучи матерью четырех детей, Бантинг полагала, что большинство женщин хочет найти способ сочетать профессиональные интересы и семейную жизнь: сама президент Рэдклиффа самые счастливые годы своей жизни провела, воспитывая детей на маленькой ферме в Коннектикуте, откуда дважды в неделю ездила на работу в лабораторию Йельского университета. Как ученый секретарь и реформатор системы образования, Бантинг признавала роль, которую институты играют в поддержке профессиональных амбиций женщин. Она понимала, что нельзя просто приказывать женщинам, чтобы они усердно работали и продолжали учиться, не предоставляя им для этого инструменты и ресурсы.

Об основании Института объявили 19 ноября 1960 года. *The New York Times* разнесла новость по стране в статье «Новаторская стипендия Рэдклиффа для одаренных женщин». И

³ Middlebrook D. Ibid. P. 157.

⁴ One Woman, Two Lives // Time. 1961, November 3. P. 68.

⁵ Hechinger F. M. Radcliffe Pioneers in Plan for Gifted Women's Studies // The New York Times. 1960, November 20.

телефон в офисе Бантинг стал разрываться от звонков. За десять дней на стол секретаря президента Института приземлилось более 160 писем с поздравлениями и вопросами⁶. После того как процесс подачи документов был формализован, Институт получил почти 200 заявок от женщин со всей страны; остальным заинтересованным соискательницам отказали, поскольку они не обладали надлежащей квалификацией. В сентябре 1961-го Рэдклифф предложил первой группе из двадцати четырех выдающихся женщин, среди которых были Секстон и Кумин, доступ к ресурсам, которые были им необходимы для достижения поставленных целей: стипендию, рабочее пространство и, что особенно важно, членство в не имевшем аналогов за всю историю Америки профессиональном и творческом сообществе женщин.

Представьте себя среди «одаренных женщин», принятых в Институт на заре 1960-х. Быть может, вы закончили один из колледжей «Семи сестер» или нашли подработку в Нью-Йорке после получения диплома. Возможно, вы даже работали на антигитлеровскую коалицию, пока ваш муж служил за границей. Но вскоре после бомбежки Японии ваши перспективы трудоустройства растаяли. Солдаты вернулись домой, и им была нужна работа или места в магистратуре и аспирантуре, чтобы занять должность получше. В Советском Союзе конструировали ракеты, над миром нависла ядерная угроза, а вам сообщили, что больше всего пользы стране вы принесете, занимаясь устройством счастливого быта.

И теперь, по общему мнению, у вас жизнь как с картинки: обеспеченный муж, розовощекие детки и «Бьюик» у дома. Но что-то не так. Вас не занимают домашние дела; дети вызывают не восторженную улыбку, а вспышки раздражения. Вас беспокоит, что вы совсем не похожи на женщин со страниц глянцевого журнала: тех самых, что с упоением намыывают кухню и пекут пироги (глядя на такую рекламу, домохозяйка и журналистка-фрилансер Бетти Фридан «думала, что с ней что-то не так, потому что не получала оргазма от натирания полов воском»)⁷. А все и вся только подтверждают, что, как вы и подозревали, проблема именно в вас. Вы сексуально озабочены, вы фригидны, вы чересчур образованны, вы невежественны. Вам нужно к психологу; вам нужно принимать побольше антидепрессантов. Вам стоит научиться лучше готовить (со всеми этими новомодными кухонными штучками!), а пока радуйтесь тому, что у вас есть, будьте за это благодарны. В 1950-х общественное давление на некоторых женщин было столь велико, что им приходилось уничтожать в себе любые несоответствия таким «нормам».

Но женщины вроде Секстон и Кумин не желали отказываться от того, чем жили и горели. Не хотела этого ни Тилли Олсен из Сан-Франциско, коммунистическая профсоюзная деятельница, планировавшая написать великий пролетарский роман, ни художница-портретистка Барбара Свон, выросшая в Ньютоне и учившаяся в одной из лучших художественных школ Бостона, ни Марианна Пинеда, родившаяся в Эванстоне (штат Иллинойс) и, перед тем как поселиться в Бруклине (штат Массачусетс), учившаяся во множестве американских и европейских мастерских. Каждая из этих пяти женщин выиграла конкурс на поступление в Институт в течение первого или второго года его существования. Финалистки собрались в Кембридже, где встретились с историками и психологами, композиторами и учеными, поэтами и художниками – и все они были женщинами.

Многие стипендиатки Института не были в подобном женском сообществе со времен учебы в Вассаре или колледже Сары Лоренс. Другие – включая Секстон, которая не имела высшего образования – испытывали подобное чувство сопричастности впервые. В Институте женщины могли не думать о домашних обязанностях и детях и просто быть мыслящими личностями среди других себе подобных – по крайней мере до ужина. Основательница Института

⁶ Yaffe E. Mary Ingraham Bunting: Her Two Lives. Savannah, 2005. P. 176.

⁷ Friedan B. Up from the Kitchen Floor // The New York Times. 1973. 4 March.

часто называла его лабораторией. Он также был инкубатором, в котором женщины могли развиваться.

Результаты этого, как выразилась Бантинг, «хлопотного эксперимента» превзошли самые смелые ожидания. Институт действительно изменил жизни стипендиаток, одна из которых даже назвала его своим «спасением»⁸. Каждой из писательниц и художниц, о которых говорится в этой книге, Рэдклифф предоставил крайне важную возможность бывать наедине с собой, при этом оставаясь частью сообщества, – то есть создал идеальные условия для творческого роста.

Эти женщины впервые оказались среди единомышленниц. Они говорили обо всем, начиная от лучших издателей и заканчивая отвратительнейшими семейными ссорами. Они читали произведения друг друга и сотрудничали в разных проектах. И так многие женщины обнаружили, что проблемы, с которыми, как им казалось, сталкивались только они, – вечное отсутствие мужа, неубывающая куча работы по дому, снисходительность коллег-мужчин – на самом деле были распространенными и даже структурными. Другими словами, с женщинами все было в порядке, а вот с миром, похоже, оказалось что-то не так.

Институт стал местом развития феминистского искусства и мысли. Писательницы и художницы поддерживали друг в друге стремление выразить женский опыт во всей его сложности и многогранности. В лирической поэзии для стипендиаток не существовало табуированных тем; в своем творчестве они обращались ко всем аспектам женской природы. Научные сотрудницы обсуждали текущие вопросы феминистской полемики, Бантинг помогла Фридан с написанием «Загадки женственности», и книга была опубликована в течение второго академического года существования Института. Кроме того, резидентки Института выступали с первыми критическими замечаниями в адрес идеологии зарождающегося женского движения. Всегда ли материнство было формой угнетения? Все ли женщины, вне зависимости от расы или класса, страдают одинаково? Может ли женщина *действительно* иметь всё и сразу? Стипендиатки помогали друг другу в поиске возможных ответов на эти важные вопросы. Вместе эти женщины научились принимать самих себя всерьез; а после, уже за стенами Рэдклиффа, настояли на том, чтобы все в мире относились к ним так же. В 1969 году активистка феминистского движения Кэрол Ханиш придумала лозунг «Личное – это политическое», который стал ассоциироваться со второй волной феминизма⁹. Между тем сотрудницы Рэдклиффа открыли для себя эту истину еще в начале шестидесятых.

Эта книга повествует о небольшой группе писательниц и художниц, группе, которая стала связующим звеном между 1950-ми и 1960-ми – декадой изоляции женщин и декадой их освобождения. Опираясь на истории карьеры, дружбы и творчества, я расскажу, как и почему в 1960-х в Америке возродилось феминистское движение. Но помимо этого речь пойдет об особенностях, внутренней жизни и конфликтах моих героинь. О содержательных, своеобразных, построенных на любви и соперничестве отношениях, которые налаживаются между женщинами, – тех самых отношениях, что так часто остаются неизученными и даже незамеченными.

За два года в Институте, с осени 1961-го и до поздней весны 1963-го, Секстон и Кумин встретили многих «интеллектуально сегрегированных женщин», которые были в восторге от возможности немедленно приступить к занятиям. Они знакомились с историками, учились у психологов и внимали исследователям образования. Подруги тесно общались с тремя другими женщинами, которые получали стипендию Института первые два года: писательницей Тилли Олсен, художницей Барбарой Свон и скульптором Марианной Пинедой. Впятером эти женщины объединились в дружескую группу по интересам. Посмеиваясь над критериями отбора

⁸ Лили Макракис, из интервью автору. Май 2016 года.

⁹ Rosen R. The World Split Open: How the Modern Women's Movement Changed America. New York, 2007. P. 196.

Института, согласно которым кандидаткам нужно было обладать докторской степенью или ее «эквивалентом» в творческих достижениях, они так и называли свою группу: «Эквиваленты»¹⁰.

Члены этой группы разительно отличались друг от друга. Яркая и эмоционально нестабильная Секстон, БАСП (белая англосаксонская протестантка) из богатой семьи, не скрываясь писала о том, как переживает психическое заболевание и тяготы материнства, хотя и беспокоилась, что эти темы не позволят ей достичь успеха. Кумин сочиняла лаконичные, формалистские стихотворения о природе. Она была еврейкой из Филадельфии, везде ощущала себя лишней и мечтала уехать из пригорода Бостона куда-нибудь в Нью-Гэмпшир, но боялась оставить Секстон, ведь это могло привести к ужасным последствиям. Харизматичная и увлеченная активистка Олсен в 1930-х публиковала оригинальные репортажи и художественную прозу. Стипендию Рэдклиффа Олсен получила в пятьдесят лет и надеялась, что, будучи резиденткой Института, наконец напишет великий пролетарский роман, в котором расскажет о важности каждой человеческой жизни. Свон была художницей из пригорода Бостона, училась в Школе бостонского музея изящных искусств и получила трэвел-грант на занятия живописью в Европе. Художница создавала портреты и автопортреты, раскрывающие характер натурщиков. Пинедя начала карьеру скульптора еще подростком и зарабатывала на жизнь своим творчеством. Ее уникальные фигуративные скульптуры в натуральную величину запечатлевали беременность, роды и материнство.

Каждая из этих женщин поступила в Институт в ключевой момент своей творческой карьеры. До конца не верящая в успех своей первой книги Секстон хотела стать, как она сама выражалась, «долгосрочным» поэтом¹¹. В Институте она написала свой лучший поэтический сборник и почувствовала уверенность в себе и своем предназначении. Кумин, которая тоже недавно вступила на творческий путь, вернулась в Институте к своим академическим интересам и стала экспериментировать с разными жанрами; вскоре после получения стипендии она написала первый из трех романов и стала известна не только как поэт, но и как писатель. Для Олсен, у которой было четверо детей, Институт стал спасением от обременительных рабочих и домашних обязанностей, местом, где она надеялась дописать свой масштабный роман. Именно в Рэдклиффе она создала нечто гораздо более важное: революционную теорию о том, как материальное угнетение повлияло на литературный канон. А Свон давно хотела поэкспериментировать с художественными материалами помимо карандаша и масляных красок, но до поступления в Институт у нее не было времени и ресурсов для занятий литографией. Пинеду же, по ее словам, увлекала «мифологическая» женственность, и в Институте художница создала серию статуй пифий¹².

Годы, проведенные в Рэдклиффе, стали переломным моментом в жизни каждой из художниц. Ни до, ни после неуравновешенная и продуктивная Секстон не имела возможности работать так же плодотворно и умиротворенно. Энн даже показалось, что, может быть, она больше не нуждается в лечении. Однако когда Секстон покинула Институт, у нее случилось обострение, она могла писать только урывками и была вынуждена вновь обратиться за помощью к врачу. А Кумин именно в Институте задумалась о том, как привнести в свою жизнь больше умиротворения. Во время стажировки она начала искать, куда бы сбежать из бостонского пригорода с его пагубными для творчества социальными обязательствами. Мак-

¹⁰ Думаю, самое время поблагодарить Миддлбрук, написавшую единственную биографию Энн Секстон, за то, что вдохновила меня на создание этой работы. Насколько я знаю, Миддлбрук – единственная писательница и исследовательница, которая обратила внимание на взаимодействия этих пяти женщин в Институте. Ее эссе *Circle of Women Artists: Tillie Olsen and Anne Sexton at the Radcliffe Institute*, основанное на биографии Секстон, очень повлияло на меня.

¹¹ Заявка Энн Секстон на поступление в Рэдклиффский институт независимых исследований. 7 марта 1961 года. Архив Института.

¹² Интервью Марианны Пинеды *Oral history*. 26 мая – 14 июня 1977 года. Архивы американского искусства. Смитсоновский институт.

син купила ферму в Нью-Гэмпшире, и это кардинально изменило ее жизнь и карьеру. Олсен сдержала обещание, данное несколько десятков лет назад: исследования и писательский труд, которым она посвятила время в Рэдклиффе, принесли ей литературную известность. За годы в Институте из наемной работницы она превратилась в знаменитую писательницу. Свон и Пинед, двум компанейским женщинам, привыкшим работать в одиночестве, Институт дал возможность реализоваться в творческом союзе и вернул их в художественное сообщество. Свон, которая в дальнейшем называла годы в Рэдклиффе «настоящим поворотным пунктом»¹³ своего творческого пути, начала сотрудничать с поэтами (позже она иллюстрировала книги своих друзей и оформляла для них обложки), а Пинед, вдохновившись женщинами, с которыми познакомилась в Институте, приступила к созданию важной серии скульптур, одна из которых впоследствии займет место во дворе Рэдклиффа. Институт предоставил Эквивалентам убежище, а затем, на горе и на радость, вытолкнул обратно в мир.

Отношения Секстон и Кумин прошли проверку временем как самые крепкие и стабильные. Их история и легла в основу моей книги. Этот тесный творческий и дружеский союз возник еще до институтских времен – женщины договорились подать документы на стипендию одновременно, но скрывали знакомство друг с другом от администрации Рэдклиффа – и не прекратился после того, как Секстон и Кумин перестали быть резидентками Института. Их дружбу не сломали карьерные взлеты и падения, переезды, эмоциональные кризисы и развод. Конечно, эти отношения не всегда были радужными: иногда Кумин уставала от требовательности Секстон, а Энн, особенно в последние годы жизни, не могла предоставить своей надежной подруге столь желанной свободы. Именно из-за таких неоднозначностей и сложностей больше всего времени я трачу на изучение связи между этими двумя женщинами, опираясь на информацию, почерпнутую из их интервью, писем и хвалебных эссе, посвященных творчеству друг друга. Кумин и Секстон оставили нам богатый архив своей дружбы, взаимной любви и слов, выражающих эти чувства.

«Эквиваленты» – первая книга, рассказывающая историю появления Рэдклиффского института независимых исследований¹⁴. Это одно из важнейших событий в истории американского феминизма, которое, тем не менее, часто упускают из виду. Принято считать, и не без основания, что вторая волна феминизма началась в 1963-м после публикации «Загадки женственности» Бетти Фридан. Оживленная полемика Фридан, в которой писательница называет пригородный дом, этот символ американского успеха, «уютным концентрационным лагерем», отозвалась в сердцах многих женщин, которые писали автору «Загадки» письма, полные восхищения и благодарности; согласно данным историка Стефани Кунц, «было продано около шестидесяти тысяч экземпляров книги в твердом переплете, что впечатляет и по нашим меркам, и около полутора миллионов экземпляров в мягкой обложке»¹⁵. Через три года после публикации книги Фридан с группой единомышленниц организовала Национальную организацию женщин (NOW), и они стали агитировать за гражданские права женщин и отстаивать их. Так началось крушение барьеров: была легализована контрацепция, вводились реформы в отношении абортов, а женщины стали подавать в суд за дискриминацию по половому признаку. К

¹³ Свон Б. Письмо Констанс Смит от 27 сентября 1963 года. Архив Института.

¹⁴ Некоторые исследователи обсуждали Институт, обычно в трудах о женщинах, которые были с ним связаны. Например, такие биографы, как Миддлбрук, Пантея Рид (автор биографии Тилли Олсен), Элейн Яффе (автор биографии о Мэри Инграхам Бантинг) и Эвелин Эфан (автор биографии Элис Уолкер), описывают Институт и его значимость для их героинь. Сам Институт опубликовал несколько историй, например: *Smith A. C. Radcliffe Institute, 1960 to 1971. Cambridge, 1972; Fanger I., Pappas M. Voices and Visions: Arts at the Mary Ingraham Bunting Institute, 1962–1967. Cambridge, 1997*. Все эти истории очень полезны для исследователей, но в большинстве своем воспевают и продвигают Институт, и их нельзя назвать объективными. В своей книге об Институте я постаралась объективно взглянуть на сильные и слабые стороны Рэдклиффа и при этом попытаться увидеть его глазами стипендиатов и сотрудников.

¹⁵ Coontz S. *A Strange Stirring: The Feminine Mystique and American Women at the Dawn of the 1960s*. New York, 2012. P. 148.

тому времени, как в конце 1960-х появились радикальные феминистские группы, «освобождение женщин» уже шло полным ходом.

Однако в этой истории нет ни слова о том, как на рубеже 1950–1960-х – в годы, которые могут показаться мертвой зоной освободительной политики – женщинами-преобразовательницами, педагогами и художницами, порой неосознанно, были заложены основы феминистского протеста¹⁶. За редким исключением, женщины Рэдклиффского института не считали себя революционерками. А некоторые – даже феминистками. Они не были бунтарками. Они пока не творили историю. Но их искреннее стремление к самовыражению позволило тем, кто пришел после них, вершить более масштабные, более смелые перемены. Поэзия Секстон, которую часто называли исповедальной, позже вдохновила разгневанных молодых женщин выйти на улицы. Лекции Олсен о проблемах материнства в рядах трудящихся ошеломили публику; ее занятия по литературе о бедности радикализировали факультеты английского языка в колледжах. Фридан, которая сначала пригласила Бантинг совместно работать над «Загадкой женственности», а потом столкнулась с трудностями в написании книги после ее ухода, вероятно была рада успехам бывшего соавтора.

История Института также связана с богатой историей феминистской мысли о творчестве и интеллектуальном труде. В 1929 году Вирджиния Вулф опубликовала эссе «Своя комната», написанное на основе двух лекций, прочитанных ею в октябре 1928-го в женских колледжах Кембриджского университета. Название книги – часть утверждения, которое Вулф приводит в начале эссе: «У каждой женщины, если она собирается писать, должны быть средства и своя комната». Остаток эссе Вулф посвящает описанию обескураживающего дня, который некая женщина проводит в «Оксбридже» (гибриде Оксфорда и Кембриджа): она пытается подготовиться к предстоящей лекции, но ей все время мешают. Женщину прогоняют с газона, не пускают в библиотеку, и ей приходится есть черт-те что на ужин, потому что в комнате подруги ей ужинать не позволяют. В эссе подчеркивается важность материальных ресурсов для писателей и интеллектуалов: Вулф пишет о «той атмосфере цивилизованности, радушия, достоинства, которая приходит только с комфортом, роскошью, привычкой к уединению», – и, возможно, именно благодаря этой идее эссе так широко известно. Кроме того, Вулф мечтает о женском содружестве и о поддержке, которую могли бы оказывать друг другу женщины разных поколений. Сидя рядом с подругой, рассказчица представляет себе альтернативную историю, в которой мать этой подруги зарабатывала бы деньги вместо того, чтобы рожать тринадцать детей:

Если бы только наши матери научились в свое время великому искусству делать деньги и завещали их потом своим дочерям на звания и стипендии, как это делали для своих сыновей отцы... будущее представлялось бы нам надежным и безоблачным благодаря какой-нибудь высокооплачиваемой профессии. Мы бы исследовали, писали, бродили бы по древним уголкам земли, сидели бы у подножия Парфенона или шли бы к десяти на службу, а в половине пятого спокойно возвращались бы домой, чтобы немного посочинять стихи¹⁷.

¹⁶ Историки труда и историки феминизма продуктивно опровергали такое понимание ситуации послевоенных лет. Книга Дороти Сью Коббл *Other Women's Movement: Workplace Justice and Social Rights in Modern America* (Princeton, 2004) показывает, как женские трудовые организации функционировали в середине века. Эссе, собранные в *Not June Cleaver: Women and Gender in Postwar America, 1945–1960*, под редакцией Джоан Мейеровиц (Philadelphia, 1994), также демонстрируют, как медсестры, сторонницы легализации абортов, битники, иммигранты и активисты меняли гендерные нормы в те времена. Стефани Кунц занималась вспомогательным проектом *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap* (New York, 1992); она развеивает многие мифы о жизни в середине XX века. Я перечислила лишь некоторые книги в этой области.

¹⁷ Вулф В. Своя комната // Эти загадочные англичанки / Сост. Е. Гениева. М., 1992. С. 92.

Вулф мечтала, чтобы женщины жили как мужчины-писатели и мужчины-ученые, которые поддерживают интеллектуальный рост друг друга. Институт воплотил эту мечту в реальность.

Я узнала об Эквивалентах, когда мне еще не было и тридцати. Тогда я почти получила докторскую степень по английскому и размышляла о будущем. Карьера мужчины, с которым я встречалась, была в большем приоритете, чем моя собственная. Как ребенок *girl power* 1990-х, я была уверена, что могу реализоваться интеллектуально и посвятить себя карьере, имея при этом счастливую семью. Я могу это сделать, и я это сделаю! И все же я не могла избавиться от ощущения, что мне придется выбирать между профессиональными устремлениями и материнством. Моя мать, несмотря на поддержку супруга, с трудом совмещала карьеру и семью. Мысли о воспитании потомства наполняли меня ужасом.

Одинокое сидя в библиотеке Рэдклиффа, там же, где когда-то бродили Эквиваленты, я заглядывала в папки и просматривала документы прежних лет. Так я узнала о женщинах, которые не могли найти для своих детей приемлемое дошкольное учреждение. О женщинах, которые боялись социального осуждения за то, что оставляют детей одних, а сами эгоистично уходят на работу и учебу. О ревнивых мужьях, снисходительных учителях-мужчинах и ненаписанных книгах, положенных на алтарь семейного счастья. И я все приняла к сведению.

Позже я наткнулась на старые кассеты с записями семинаров, которые были сделаны в первые годы существования Института. Прошло пятьдесят пять лет, а я слышала звон бокалов и шелест опрашиваемых юбок. Я чувствовала себя так, словно открыла потерянный, но странно знакомый мир. Я слушала, как Кумин очаровывает зрителей историями о вечно недовольной дочери-подростке, которая мстит, насмехаясь над книгами матери. Я слушала, как Секстон читает свои стихи звонким, громким голосом, ничем не выдающим ее повышенной социальной тревожности. Я слушала Свон, которая с легким бостонским акцентом шутила об «изнурительном труде» литографов. Я слушала серьезные рассуждения Пинеды о важной роли скульптуры в истории. А еще я слушала, как Олсен описывает проблемы баланса между материнством, работой на полной ставке и писательской деятельностью. Она рассказывала, как мало времени проводила наедине с собой, как была вынуждена писать в общественном транспорте и поздней ночью. В тот момент я почувствовала: быть в библиотеке одной – невероятное везение, а еще большее везение заключается в том, что мой парень живет в другом городе.

Прошли годы. Я рассталась с бойфрендом, я получила степень. Я побывала в других библиотеках: в Остине (штат Техас), Нью-Хейвене (штат Коннектикут), Пало-Альто (штат Калифорния), Вашингтоне. Я продолжала читать: дневники, письма, рукописи, кулинарные книги и счета. Я узнавала о сложностях, связанных с поиском достойного детского дошкольного учреждения, о материнском чувстве вины, неоплаченных долгах и нереализованных мечтах. А еще я читала о том, как эти пять женщин дарили друг другу помощь, поддержку и понимание. Среди писем встречались и такие, в которых дошедшая до предела отчаяния женщина отвечала подруге словами, полными ревности или ярости. Я сама испытала и надежду, и ярость. Гендерная революция, начавшаяся десятилетия назад, пока еще не завершилась. Так много изменилось с тех пор, как Эквиваленты прошли через Рэдклифф-Ярд: официально принят Раздел IX Поправок об образовании¹⁸, женщины-руководители встречаются в списке *Fortune* 500, а на страницах национальных журналов хвалят книги женщин-писательниц. Но исследование за исследованием сообщают, что в гетеросексуальных парах женщины все еще выполняют большую часть работы по дому. По данным на 2018 год, на каждый заработанный муж-

¹⁸ Согласно этому разделу 1972 года, дискриминация по признаку пола в государственных школах и колледжах объявлена вне закона. – *Примеч. пер.*

чиной доллар женщина получает чуть более восьмидесяти центов¹⁹. До сих пор не существует доступных всем государственных детских дошкольных учреждений.

Мы все еще ищем решения, все еще боремся за них. И, как весной 2016-го сказала мне одна из первых стипендиаток Рэдклиффа, женщины все еще нуждаются в институциональной поддержке. Им нужны места, где они смогут найти единомышленниц и вдохновение, и материальная помощь, чтобы воплотить свои мечты. Эта история о том, чего более пятидесяти лет назад добились пять женщин. В каком-то смысле эта история о том, как они изменили мир. А еще она о том, сколько всего еще предстоит сделать.

¹⁹ *Hegewisch A., Hartmann H. The Gender Wage Gap: 2018 Earnings Differences by Race and Ethnicity. New York, 2019.*

Часть I 1957–1961

Глава 1 Белые штaketные заборчики

Поздний вечер 1957 года. Зимнее солнце уже садится. По Коммонвелс-авеню, главной улице бостонского района Бэк-Бэй, сжимая дрожащими пальцами картонную папку, идет двадцатидевятилетняя Энн Секстон. Мимо викторианских домов из коричневого камня, мимо статуй местных светил, мимо высоких, величественных деревьев. И вот она на месте – у большого каменного здания на северной стороне бульвара.

Энн проходит под внушительным серым фасадом здания, идет через скрытый за ним роскошный балльный зал. Секстон впервые за долгое время выехала из дома в Ньютоне; чтобы решиться на это, ей понадобилось сопровождение отзывчивой соседки по имени Сэнди Робарт. Энн всегда была нервной женщиной, но в эти дни она – встревоженная, напуганная, истерзанная неуверенностью – просто не находила себе места. Любые общественные пространства вызывали у Секстон сильный дискомфорт, и она днями не выходила из дома. Совсем недавно Энн предприняла попытку самоубийства, а всего через несколько месяцев попытка повторится.

Энн шла по вестибюлю, размышляя о том, что же она здесь делает. Ее не смущал богатый антураж. Она никогда не нуждалась. Секстон пугало нечто скрытое в недрах здания: небольшой поэтический кружок Бостонского центра образования для взрослых. Энн всерьез занялась сочинением стихов всего несколько месяцев назад, она не получила высшего образования, и к тому же у нее был негативный опыт обучения в классах, так что, записавшись на этот курс, она совершила совершенно нехарактерный для себя поступок. До того зимнего вечера стихи Энн читали только двое: доктор Мартин Орн, ее психоаналитик, и ее мать, Мэри Грей Харви. Идея показать свои стихи другим людям – другим поэтам – приводила Секстон в ужас. И все же она здесь. Помада под цвет туфель, цветы, вплетенные в темные волосы... Сейчас, впервые за десять лет, она войдет в аудиторию²⁰.

Энн заходит. Многие оборачиваются. Занятия идут уже несколько недель, и новички здесь редкость. Во главе длинного дубового стола сидит преподаватель семинара Джон Холмс. Поредевшие волосы, вытянутое унылое лицо – мрачная Новая Англия во плоти. Холмс был ярким представителем бостонской поэтической сцены: он преподавал в мастерских, рецензировал книги и занимал должность профессора в Университете Тафтса. Многие из его учеников публиковали стихи, в том числе и тридцатидесятилетняя мать троих детей, которая также присутствовала в классе в тот вечер. Ее звали Максин Кумин.

Секстон и Кумин смотрели друг на друга и видели много общего. Обе женщины были стройными, темноволосыми и привлекательными. Правда, в отличие от Секстон, Кумин родилась не в Новой Англии, хотя ко времени знакомства с Энн Бостон уже стал для нее домом. Кумин была ассимилированной еврейкой из Филадельфии, чей отец-ростовщик заработал достаточно денег, чтобы отправить дочь сначала в приходскую школу, а затем и в Рэдклифф. Для Кумин образование было способом состояться как личность – вопреки ожиданиям матери.

²⁰ Информация для этого раздела взята из: *Middlebrook D. Anne Sexton: A Biography*. Boston, 1992; воспоминаний о Кумин и Секстон (*A Nurturing Relationship: A Conversation with Anne Sexton and Maxine Kumin*, April 15, 1974 / Cond. E. Showalter, C. Smith // *Women's Studies*. 1976. Vol. 4. № 1. P. 115–135), а также воспоминаний Кумин в эссе *How It Was*.

Секстон, напротив, родилась в богатой новоанглийской семье. Родители предоставляли ей финансовую поддержку, а муж – эмоциональную. Секстон страдала от перепадов настроения, тревожности, депрессии и суицидальных наклонностей. Кумин помогала подруге справляться с эмоциональными порывами и неуравновешенностью. Она сразу же с опаской отнеслась к этой нервной и эффектной незнакомке, которая одновременно завораживала и отталкивала. Обеим женщинам предстояло совершить нечто, что казалось им сомнительным и даже предосудительным: реализоваться как поэтессам. Каждая из них должна была набраться храбрости, чтобы попытаться сделать это самостоятельно. К чему же привела их встреча в столь пугающем месте?

Однажды Секстон описала свою жизнь до 1957 года такими словами:

Я изо всех сил пыталась вести нормальную жизнь, ведь для этого меня воспитали, и именно этого хотел от меня муж. Но белый штaketный заборчик не спасает от натиска кошмаров. Мне было около двадцати восьми, когда оболочка благопристойности разлетелась: у меня случился психотический срыв и я попыталась покончить с собой²¹.

Большую часть жизни Секстон считала себя глупой. Ведь многие ей на это указывали. Энн родилась в 1928 году в богатой семье в Ньютоне – уютном пригороде Бостона. Она была младшей из трех дочерей: худощавым и непоседливым ребенком в доме, где ценили изящество и благообразие. Девочка не могла усидеть на месте и часто отказывалась от еды. Она теребила и закручивала пряди волос, так что вечно ходила растрепанная. Как-то раз, будучи подростком, Секстон появилась за обеденным столом с лицом, усеянным прыщами; это вызвало отвращение у ее отца, и он отказался есть в ее присутствии. В отличие от сестер, которые посещали элитарные частные школы, Энн ходила в государственную (но сначала ее выгнали из вальдорфской за плохое поведение во время сончаса). К тому времени, как девушка поступила в среднюю школу-интернат Роджерс Холл, учителя, которые считали Секстон недалекой, «ужасной истеричкой» и «легковозбудимой», уже трижды оставляли ее на второй год²².

Ну что ж, положим, Энн была глупой, зато ее мать – умной. Мэри Грей Харви, родом из богатой семьи в штате Мэн, была хрупкой, привлекательной женщиной, настоящей леди. Заботливый отец, редактор и издатель газеты, воспитывал ее как принцессу, и она успешно справлялась с ролью «самой способной» в семье. Ее муж, Ральф Харви, бизнесмен, который любил заложить за воротник, высоко ценил Мэри Грей и постоянно говорил дочерям: «О, ваша мать умна, она исключительная женщина». «Она была „писательницей“, была образованной, была исключительной», – сказала Секстон в одном из интервью начала 1960-х годов. «Помоему, иногда она как будто затмевала, ломала нас». На самом деле Мэри Грей не писала прозы или стихов, а только вела деловую переписку мужа, но Ральф Харви каждое письмо нарекал шедевром. Мэри Грей производила впечатление образованной дамы: она посещала колледж Уэллсли и читала по книге в день. И хотя диплома Мэри не получила, она не раз говорила, что среди студенток у нее был самый высокий IQ. Ей доставляло удовольствие просто быть умной, не предпринимая осознанных усилий для самообразования. Мэри Грей полагала, что знания можно просто перехватить между делом, как канapé на фуршете.

Энн безуспешно пыталась впечатлить мать²³. Подростком Секстон дала ей прочитать свое стихотворение, которое приняли к публикации в школьном ежегоднике. Мэри Грей прочла

²¹ Интервью Энн Секстон Барбаре Кевлес. Опубликовано в: *Sexton A. No Evil Star: Selected Essays, Interviews, and Prose* / Ed. Colburn S. E. Ann Arbor, 1985. P. 84.

²² Интервью Энн Секстон Элис Райерсон и Марте Уайт. Январь 1962 года. Архив Рэдклиффского института. Детали о жизни семьи Харви из *Middlebrook D. Op. cit.*

²³ Секстон рассказывает менее подробную историю в интервью, хранящемся в Архиве Рэдклиффского института, а Мидлбрук добавляет некоторые подробности (*Middlebrook D. Anne Sexton: A Biography. Boston, 1992. P. 20–21*).

стихотворение дочери, немного поразмыслила, а затем начала расследование. Совершенно очевидно, что это не оригинальное произведение Энн; совершенно очевидно, что она его откуда-то *переписала*. Мэри Грей переслала это стихотворение и другие работы дочери другу семьи, нью-йоркскому профессору, и попросила его найти источник «заимствования». В ответ профессор сообщил, что это подлинник, а у девочки есть потенциал. Раздавленная недоверием матери Энн больше никогда не показывала ей своих стихов. А вскоре вообще перестала писать.

Путь к творчеству был отрезан, и Энн попыталась последовать примеру матери, ведущей размеренную семейную жизнь леди. И Секстон это удалось, но только при существенной поддержке самой Мэри Грей. В девятнадцать Энн встречалась с обеспеченным юношей из пригорода Бостона, Альфредом Мюллером Секстоном II, которого в кругу друзей и родни называли Кайо. Девушка опасалась, что забеременела. По совету Мэри Грей пара поехала на юг, в Северную Каролину, где законный возраст вступления в брак составлял восемнадцать лет как для мужчин, так и для женщин (в Массачусетсе цифры были иными: восемнадцать лет для женщин и двадцать один – для мужчин). Энн и Альфред поженились, и так Энн Харви стала Энн Секстон. Оказалось, что она не беременна – менструация возобновилась на обратном пути, – но брак было решено не расторгать. Секстоны жили то у родителей Кайо, то у родителей Энн, и наконец нашли квартиру в Кочайчуате, городе всего в десяти минутах езды от новой резиденции семьи Харви в Уэстоне (они переехали туда в 1941 году; в их свежестроенном доме было семь ванных комнат и пять гаражей)²⁴. Пока Кайо воевал в Корее, Мэри Грей не позволяла дочери ни с кем флиртовать и настраивала ее на серьезное отношение к браку. Когда Секстон все-таки забеременела – она летала в Сан-Франциско, чтобы повидаться с мужем во время побывки, – Мэри Грей ухаживала за дочерью, покупала одежду для беременных, возила отдыхать во Флориду и позволила ей воссоединиться с семьей в Уэстоне. С финансовой помощью Мэри Грей Секстоны купили дом в уютном пригороде Ньютона. Им хотелось чего-то вроде самостоятельной взрослой жизни, хотя Кайо бросил Колгейтский университет, где занимался медициной, и стал работать на тестя в шерстяном бизнесе.

Пока Мэри Грей была жива, Секстон беспрестанно мечтала о похвале матери и страшилась ее критики. Резкое слово Мэри Грей ранило сильнее, чем любое оскорбление, которыми Ральф награждал юную Энн, когда был пьян. Секстон думала, что если бы она смогла растить детей и вести хозяйство так, как это делала ее мать, то наконец получила бы одобрение от этой холодной, отстраненной женщины, которая, казалось, всегда знала, как и что лучше: вот лучшее платье, лучший напиток, лучшая книга – лучшие вещи, чтобы показать, какой ты просвещенный человек. Позже Секстон сказала: «Я должна была быть или совершенно отвратительной, или такой же хорошей, как моя мать»²⁵.

К августу 1955 года с помощью Мэри Грей Секстон обустроила свою жизнь завиднейшим образом: высокая, красивая и обеспеченная, она владела домом в пригороде и была матерью двух дочерей – двухлетней Линды и новорожденной Джой.

Но материнство тяготило Энн. Она ловила себя на том, что агрессивно реагирует на запросы своих детей. Однажды Секстон сорвалась и бросила старшую дочь через комнату. В конце концов у Энн диагностировали послеродовую депрессию. «Мое сердце бьется, и это все, что я слышу, – чувства к детям не затмевают моего желания быть свободной от их притязаний на мои эмоции»²⁶, – писала Секстон своему психотерапевту. Шли месяцы, приближался первый день рождения Джой, а симптомы болезни Энн не проходили, а только усугублялись. Боясь навредить детям, Секстон задумалась о том, чтобы свести счеты с жизнью, приняв снотворное. Как-то раз темной ночью она не могла сомкнуть глаз, борясь с деструктивными порывами

²⁴ Middlebrook D. Op. cit. P. 13.

²⁵ Интервью с Энн Секстон. Архив Рэдклиффского института.

²⁶ Middlebrook D. Op. Cit. P. 36.

вами, а затем, по рекомендации психотерапевта, легла в Вествуд Лодж – то самое заведение, в которое отправлялся отец, когда ему нужно было пройти курс лечения от алкоголизма. Мэри Грэй ухаживала за Линдой, а мать Кайо, Билли, забрала к себе Джой. Через несколько недель Энн выписали из Вествуд Лодж, но ее психическое здоровье продолжало ухудшаться. В ноябре 1956 года, за день до своего двадцать восьмого дня рождения, Секстон намеренно приняла чрезмерную дозу барбитуратов. Новый психотерапевт Энн, доктор Мартин Орне, отправил девушку в Гленсайд – мрачное заведение на безопасном расстоянии от семьи. Позже доктор Орне говорил, что «семья Энн не слишком сопереживала ее проблемам»²⁷. Орне диагностировал у Секстон «истерию» во фрейдистском понимании.

Через несколько недель Энн вышла из Гленсайда. Зима выдалась тяжелая. Линду вернули домой к матери, а Джой оставили с Билли. Секстон одолевала одиночество и апатия. «Я хожу из комнаты в комнату, пытаюсь придумать, чем бы заняться»²⁸, – писала она доктору Орне. – Во мне есть какая-то ужасная энергия – и кажется, что ничего не помогает». Все знания о домашнем хозяйстве вылетели у нее из головы; она обнаружила, что не в состоянии даже картофелину запечь. Энн зависела от Кайо, как ребенок от родителя, и тяжело переносила его отсутствие. Обычно муж был с ней довольно терпелив, но иногда впадал в ярость. Он мог проявить и физическое насилие (все чаще в последние годы их брака). Секстон любила дочерей, но болезненно относилась к тому, как они ограничивали ее жизнь. «Кто бы захотел жить, чувствуя такое?»²⁹ – писала Энн доктору Орне в феврале 1957 года. Этот вопрос все время пульсировал в ее сознании.

Секстон отчаянно искала причину жить дальше. И нашла ее там, где никак не ожидала: в лирической поэзии.

По рекомендации доктора Орне Секстон начала смотреть познавательные телепрограммы; психоаналитик полагал, что это простимулирует ум Энн и отвлечет ее от эмоциональных переживаний. Как-то под конец 1956 года, в четверг вечером, всего через месяц после попытки самоубийства, Секстон включила местный телевизионный канал WGBH и посмотрела программу под названием *Sense of Poetry*. На экране появился профессор английского языка Гарвардского университета; лысина, очки – он казался воплощением академичности. Его звали А. А. Ричардс, и он был одним из самых влиятельных исследователей английской литературы по обе стороны Атлантики. Преподавая в Кембридже в 1920-х годах, он развил практику вдумчивого чтения поэзии, без опоры на исторический и биографический контекст. Ричардс назвал этот подход «практической критикой»; к тому времени, как в 1940-х и 1950-х подход переняли в американских университетах, он получил название «Новая критика». В середине века это направление полюбилось университетским факультетам английского языка, потому что представляло изучение литературы более научным и профессиональным. Кроме того, это был доступный метод, идеально подходящий для обучения студентов и зрителей телевидения.

По правде говоря, программу *Sense of Poetry*³⁰ нельзя было назвать развлекательной. Ричардс не отличался темпераментностью, хотя за свою карьеру он был ведущим нескольких образовательных программ (несмотря на то, что открыто выражал неприязнь к СМИ). Он читал вслух известные стихи, такие как «Ода на греческой вазе» Китса, скандируя так, чтобы зрители могли уловить метрику и ритм произведения. Иногда вниз по экрану прокручивали стихотворение, порой показывали какую-нибудь полезную диаграмму, но обычно камера была

²⁷ Ibid. P. 34.

²⁸ Ibid. P. 36.

²⁹ Ibid. P. 37.

³⁰ Mark Garrett Cooper and John Marx. New Critical Television. Openvault. WGBH. www.openvault.wgbh.org.

зафиксирована на этом суровом человеке, который, казалось, лучше подходил для радио, чем для телевидения.

Вроде бы такая скучная и чисто образовательная программа – но Секстон была от нее в восторге. Она смотрела, как Ричардс описывал структуру сонета – четырнадцать строк, три четверостишия и двустишие, ABAB CDCD EFEF GG, – и делала аккуратные заметки. «А ведь и я так могу»³¹, – подумала Энн. И вот программа закончилась, за окном темнеет ночь, а Секстон пишет свой собственный сонет. Как ищущая одобрения старшеклассница, она показывает его Мэри Грэй. На этот раз мать Секстон поверила в оригинальность произведения дочери; она даже предложила образ, который бы лучше передал его основную мысль. Энн была благодарна: она наконец заслужила одобрение матери и нашла новый способ справиться с тревогой. Секстон решила придать своему внутреннему хаосу стихотворную форму.

И вдруг стихи Секстон хлынули быстрее слез. С января по декабрь 1957 года Энн написала более шестидесяти стихотворений – впечатляющий результат. В большинстве из них идеи и нравоучения выстраивались ритмичными рядами, словно в стихотворениях из *The Saturday Evening Post* – журнала, популярного среди представителей среднего класса. Во многих находились отсылки к психотерапии и фрейдизму, а некоторые были адресованы самому доктору Орне: «Час приема», «Психосоматика желудка» и «Размытое уточнение»³². Энн тщательно перепечатала свои стихи и подарила доктору Орне, получив взамен столь желанную поддержку. Не обученная стихотворному ремеслу, не обремененная традиционным литературным образованием, Секстон действовала инстинктивно, училась «подсознательно»³³ – этим словом она особенно часто описывала свой метод. Энн ставила себе небольшие задачи – написать силлабический стих, а теперь двойной акростих – просто чтобы посмотреть, получится ли. Когда она предприняла вторую попытку самоубийства в конце мая 1957 года, доктор Орне обратил внимание Секстон на то, что поэзия может стать смыслом ее жизни. «Ты не можешь убить себя, – сказал он. – Тебе есть чем поделиться с миром»³⁴.

Энн не определяла своей поэтической программы; много лет она называла собственные поэтические приемы «трюкачеством»³⁵. Она была неопубликованным любителем. Секстон отправила несколько стихотворений за подписью «Миссис Э. М. Секстон» в газеты, но ответа не получила. Энн раздумывала над тем, чтобы пойти на какие-нибудь курсы и научиться тому, чему никогда не училась. Доктор Орне порекомендовал ей поступить в Бостонский университет или в Ньютонский колледж. Возвращение к учебе для девушки, которую до этого уже оставляли на второй год, отчисляли и не слишком уважали ни в школе, ни в семье, было настоящей авантюрой. Учитывая, что психическое здоровье Секстон все еще находилось под угрозой, ей нужно было соотнести потенциальные риски этого мероприятия с его возможными выгодами. Энн придется выйти из дома и общаться с незнакомыми людьми; это ужасно. Но, возможно, кто-то из этих незнакомцев поймет ее лучше, чем когда-либо понимали родные. Может быть, если перебороть страх, ей удастся найти тех, кого она назовет «своими»³⁶. Как только Секстон вошла в класс Холмса, Кумин, по ее воспоминаниям, сразу же залюбовалась незнакомкой и «оцепенела»³⁷. Максин поразила внешность новенькой: Энн была «высокой, голубоглазой,

³¹ Интервью с Энн Секстон. Архив Рэдклиффского института.

³² *Middlebrook D. Op. Cit. P. 52.*

³³ Интервью с Энн Секстон. Архив Рэдклиффского института.

³⁴ Там же.

³⁵ В 1958 году она даже сочинила на эту тему стихотворение «Навязчивая комбинация онтологического окружения, обмана и любви».

³⁶ Интервью Энн Секстон Барбаре Кевлес. P. 87.

³⁷ *A Nurturing Relationship: A Conversation with Anne Sexton and Maxine Kumin, April 15, 1974 / Cond. E. Showalter, C. Smith // Women's Studies. 1976. Vol. 4. № 1. P. 116.*

необыкновенно стройной»³⁸, женщиной, которая источала «обескураживающую изысканность, особенно по контрасту с царящей в классе школьной атмосферой в духе палыцы-в-мелу-колготки-со-стрелкой». Стиль Кумин был проще, она держалась, по ее же словам, «гораздо более закрытой, сдержанной»³⁹. Она собирала волосы в пучок и иногда носила очки. Даже в свои тридцать лет Кумин легко могла вжиться в роль ученицы. Она чувствовала себя «замухрышкой»⁴⁰, в то время как Секстон выглядела «действительно эффектно».

Но, несмотря на внешность, у этих женщин оказалось больше общего, чем они могли предполагать. Обе были многодетными матерями: у Секстон было двое детей, у Кумин – трое, и обе жили в Ньютоне. Хотя Секстон помогала свекровь, поэтессу тяготили домашние дела. «Все кажется бессмысленным»⁴¹, – писала Энн доктору Орне в феврале 1957 года, примерно в то же время, когда начались занятия. – Я чувствую себя тигром в клетке». Кумин ощущала то же самое. «Я роптала, прикованная к домашнему очагу»⁴², – напишет она позже. – У меня был счастливый брак, и наши дочурки приносили нам много радости. Но я явственно ощущала свою неудовлетворенность». Как и Секстон, Кумин записалась в мастерскую, испытывая «невероятный ужас и трепет»⁴³.

Родители Кумин растили не поэтессу или интеллектуалку, а леди. Максин Винокур родилась в Филадельфии в 1925 году. Девушка предпочитала, чтобы ее называли Макс, и шла наперекор попыткам матери привить ей женственность. Мать Максин, Долл Винокур, была элегантной, утонченной женщиной, которая стремилась выглядеть полностью ассимилированной в американском обществе (она запрещала своим детям жестикулировать, так что многие годы Кумин полагала, что во время разговора жестикулируют только евреи). «В самых первых воспоминаниях мать предстает перед моим внутренним взором в вечернем платье, в облачке французских духов, готовая выпорхнуть на важное общественное мероприятие»⁴⁴, – рассказывала Кумин. Долл родилась в Виргинии и была из тех женщин, которых неизменно одаривали заботой и лаской от рождения.

Отец Макс, Пит Винокур, владел самым большим ломбардом в Филадельфии. Долл, заботясь об общественном положении и престиже семьи, велела детям в школе говорить об отце просто как о «брокере». Она также пыталась превратить свою единственную дочь в идеальную леди, но неизменно встречала отпор молодой Макс. Из пухленькой девочки Максин превратилась в спортивного подростка и предпочитала свободу летнего лагеря и плавание наперегонки шитью и общению со своими культурными сверстниками.

Она отклонила приглашение присоединиться к школьному сообществу для девочек (что-то вроде студенческого женского объединения, но для девочек-старшекласниц), чем привела в ужас мать, которая ратовала за перевод Макс в эту школу из государственной как раз для того, чтобы девушка имела доступ к перспективным социальным связям и более качественному образованию. «В отрочестве я была одинокой и замкнутой, – писала Кумин впоследствии. – По субботам я была вынуждена посещать уроки танцев вместе с теми же популярными девушками, которые проявляли абсолютное равнодушие к урокам французского и истории, так что я пряталась в дамской комнате до тех пор, пока этим мучениям не пришел конец»⁴⁵. Учеба помогала Макс справиться с тревогой: «Я с головой погрузилась в учебу; меня утешало только то, что я – круглая отличница».

³⁸ *Kumin M. How It Was // Sexton A. The Complete Poems. Boston, 1981. P. xix.*

³⁹ *A Nurturing Relationship. P. 117.*

⁴⁰ *Ibid. P. 116.*

⁴¹ *Middlebrook D. Op. cit. P. 36.*

⁴² *Kumin M. The Pawnbroker's Daughter: A Memoir. New York, 2015. P. 72.*

⁴³ *A Nurturing Relationship. P. 121.*

⁴⁴ *Kumin M. The Pawnbroker's Daughter: A Memoir. New York, 2015. P. 21.*

⁴⁵ *Ibid. P. 28.*

Благодаря упорной работе Кумин зачислили в один из престижных колледжей ассоциации «Семь сестер» – женского эквивалента Лиги плюща, в которой в то время обучались только мужчины. Осенью 1942 года Макс поступила в Рэдклифф, где и состоялось ее неудачное знакомство с поэзией. На волне свойственной первокурсникам самоуверенности она не пошла на базовый курс английского, а сразу записалась на продвинутый курс писательского мастерства, который вел Уоллес Стегнер: именно его Синклер Льюис назвал «одним из главных романистов Америки»⁴⁶. В то время Стегнер писал свою пятую книгу – полуавтобиографический роман «Большая леденцовая гора». У него были четкие представления о том, что такое хорошая художественная литература. Стегнер считал, что писатель должен бережно раскрыть правду о некоем опыте, а затем добавить в повествование что-то глубокое или неожиданное. «Некий элемент неожиданности необходим, – объяснял Стегнер, – или, по крайней мере, некий элемент – как ее там – глубины»⁴⁷. Но эта глубина ускользала от молодой Макс. И пока ее сокурсники писали довольно-таки «хорошие, добротные рассказы», которые нравились Стегнеру, Макс делала неудачные попытки обратиться и к прозе, и к поэзии. «Я как будто в болоте барахталась, – вспоминала Кумин позже. – Он [Стегнер] прямым текстом заявил, что я абсолютная бездарность. И что я совершаю огромную ошибку, полагая, будто смогу стать писательницей. Мне не стоит даже пытаться быть поэтом, потому что это совсем не мое»⁴⁸. Отчаявшись, Макс решила отказаться от курса писательского мастерства и сосредоточиться на истории литературы; в конце концов она получила приз за лучшую дипломную работу. Следующие восемь лет Кумин не возвращалась к занятиям поэзией.

Итак, Макс пошла по проторенному ее поколением пути белой женщины среднего класса с Восточного побережья: брак, дети, дом под щипцовой крышей. Девушка окончила Рэдклифф с отличием и уже через двенадцать дней вышла замуж за Виктора Кумина, еврейского инженера, с которым познакомилась на свидании вслепую в Бостоне. Во время Второй мировой Вик занимался секретным проектом в Лос-Аламосе – в какой-то момент Макс поняла, что он работает над атомной бомбой, – и молодые люди писали друг другу в период разлуки, закрепив отношения еще до того, как родители Кумин смогли встретиться с будущим зятем в Филадельфии. Вик получал разные предложения о работе, так что пара сначала перебралась в Вудс-Хоул, затем в центр Бостона и, наконец, в Уотертаун.

Но Кумин не ощущала удовлетворения. Она по-прежнему стремилась к интеллектуальному развитию. Именно в школе Макс стала кем-то помимо «дочери брокера». Кумин вспоминала, как школьные учителя латыни вдохновляли ее, как они изменили ее жизнь. Она всегда находила утешение в учебе.

Так что после войны, заручившись поддержкой мужа, Кумин использовала свои сбережения, чтобы вернуться в Рэдклифф и получить магистерскую степень по сравнительному литературоведению. Пара жила довольно скромно, и летом Кумин подрабатывала, но это того стоило: в 1948 году она получила магистерскую степень. Вскоре Макс родила первого ребенка. Девочку назвали Джейн. Вторая дочь, Джудит, родилась в 1950-м. Однако Кумин не нравилось быть домохозяйкой. И пока другие женщины с радостью организовывали игры в бридж и руководили отрядами герлскаутов, Макс ходила на образовательные курсы для взрослых и брала подработку как научный сотрудник. Кумин продолжала работать на фрилансе, даже когда Вик взлетел по карьерной лестнице; его доход позволил семье переехать в Ньютон, недалеко от Уотертауна, и купить дом по адресу Брэдфорд-роуд, 40.

В 1953 году, сидя в своем ньютонском доме, беременная третьим ребенком Кумин приняла судьбоносное решение. Она подписалась на Бостонский журнал *The Writer* и купила само-

⁴⁶ Цит. по: *Hepworth J. R. Wallace Stegner, the Art of Fiction // Paris Review. 1990. № 115.*

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Интервью Максин Кумин Элис Райерсон и Марте Уайт. Январь 1962 года. Архив Рэдклиффского института.

учитель Ричарда Армора «Как писать юмористические стихи». И хотя Макс дала себе обещание никогда больше не заниматься поэзией, она подумала, что, возможно, сумеет писать несерьезные стихотворения. Кумин развлекалась сочинением четверостиший вроде тех, что печатали на страницах *Cosmopolitan* и *The Saturday Evening Post*. «И я дала себе слово, – вспоминала Макс, – что если не продам ничего к моменту рождения ребенка, то распрощаюсь со своими нереализованными творческими порывами»⁴⁹. Кумин восприняла жестокое пророчество Стегнера серьезно.

На восьмом месяце беременности Макс продала свое первое стихотворение в газету *The Christian Science Monitor* за 5 долларов – то есть за большую сумму, чем стоил самоучитель Армора. Ее вложение окупилось. Написанное четверостишие не шло в сравнение с поэзией эпохи Возрождения, которой Кумин так восхищалась в студенчестве:

*Вновь мартовский ваш каталог
Мое внимание привлек
В нем розы красны, а томаты...
Такие, что пишу сонаты*⁵⁰.

Зато оно отлично сработало как жест легитимизации, как лицензия на занятие любимым делом. И так Макс сделала сочинительство своей профессией. «Моя работа оказалась удивительно мобильной, – писала Кумин позже. – Я могла складывать строки в голове, пока мыла посуду и развешивала белье – без посудомоечной машины, без сушилки, – везла ребенка на урок музыки или к стоматологу. Я научилась сочинять стихи в машине, ожидая, пока маленький музыкант или пациент закончат обучение или лечение»⁵¹. За два года Кумин опубликовали в *The Wall Street Journal*, *Ladies' Home Journal* и *The Saturday Evening Post*. Публикация в *Post* – одним из ведущих журналов того времени – была блестящим достижением. Но все омрачала одна деталь: оказалось, что Вик должен предоставить письмо, подтверждающее оригинальность стихотворения Кумин⁵².

К 1957 году поэзия приносила Кумин стабильный заработок. Гонорары поддерживали ее амбиции. Каждый раз, когда Макс видела свое имя в печати, у нее перехватывало дыхание. Возможно, где-то там, в Калифорнии, пролистывая *Post*, Стегнер удивленно замирал, заметив ее имя на странице.

Кумин публиковали, и это прибавило ей уверенности, но не излечило от одиночества. «Я писала в изоляции»⁵³, – поделится Максин позже.

Чтобы набросать пару строк, ей приходилось выкраивать время среди домашних дел, а затем вновь возвращаться к семейным заботам. Как бы ни была Максин счастлива с Виком и тремя детьми, часть ее рвалась в интеллектуальное сообщество, хотя Кумин понимала, что это может ввергнуть ее жизнь в хаос. У Максин и так было предостаточно домашних обязанностей, о чем свидетельствует написанное примерно в то же время и адресованное матери письмо:

Встаю затемно; сушилка сломалась, младший бежит голышом. Сухие трусы кончились, мокрые висят рядом. Льет дождь. Десять минут отчаянных уговоров... Найти мешок, обернуть футляр для скрипки (льет еще сильнее). Выписать чек для преподавателя по скрипке. Превышен кредитный лимит? Рискнем... Найти леденцы от кашля для средней. Правда она все равно

⁴⁹ A Nurturing Relationship. P. 120.

⁵⁰ Kumin M. The Pawnbroker's Daughter: A Memoir. New York, 2015. P. 73.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. P. 75.

⁵³ Ibid.

кашляет... На ужин придет коммерческий директор из фирмы мужа. Проверить, есть ли чистые рубашки. Виски забродил? Опять рожь кончилась. Ищу рецепт лапшевника. Нашла. Готовлю⁵⁴.

В письме женщина продолжает в том же духе: домашние дела громоздятся, как кирпичи. Куда же впихнуть еще одно обязательство? Но как бы безрассудно это ни было, Кумин записалась на новый образовательный курс для взрослых, на этот раз с Джоном Холмсом.

Несколько первых занятий в мастерской Кумин присматривалась к Секстон. В Энн чувствовалось какое-то напряжение, и Макс не была уверена, что ей это по душе. Недавно подруга Кумин совершила самоубийство, и у нее было ощущение, что новенькая так же нестабильна. Более того, Секстон, казалось, не смущала эта нестабильность; многие стихотворения, которыми она делилась, повествовали о ее переживаниях в психиатрической лечебнице. По прошествии времени Секстон стала открыто говорить о своих попытках суицида. Поведение Энн приводило Макс в ужас, ведь она гордилась тем, что умеет себя подать, – по крайней мере в этом воплотив идеалы матери, – и хранила постыдные секреты в тайне. В Рэдклиффе Кумин научилась писать и говорить как утонченная интеллектуалка. Мысль о том, что можно с готовностью обнажить весь тот хаос, который скрывается под социальной маской, не только дезориентировала, но и оттолкнула ее. И она решила держаться от Секстон на расстоянии⁵⁵.

Но ее план дал сбой. В сентябре, когда начался второй семестр семинара Холмса, Кумин и Секстон столкнулись в Ньютонской публичной библиотеке. Задушевно поболтав, они выяснили, что практически соседи: Секстон живет в Ньютон-Лоуэр-Фолс, а Кумин – в Ньютон-Хайлендс. Женщины решили, что ездить в Бостон вместе будет удобнее. С тех пор Секстон на своем стареньком «форде» подвозила Кумин на занятия и обратно домой. Часы, проведенные в совместных поездках по Девятому шоссе, развеяли подозрения Кумин. Вскоре Макс вызвалась возить Секстон на поэтические чтения в Большом Бостоне. В том году они вместе слушали известную семидесятилетнюю поэтессу Марианну Мур, которая на чтения надевала плащ и какую-то невероятную шляпу. Слушали они и английского поэта Роберта Грейвса, который, по их общему мнению, был «ужасен»⁵⁶. Чтения дали нечто вроде поэтического образования Секстон, которая, в отличие от Кумин, не прошла формального обучения в этой области.

А еще было преподавание в мастерской. У Холмса была необычная методика преподавания: он не раздавал студентам копии стихотворений одноклассников. Вместо этого он читал стихотворение вслух, и класс на слух определял его сильные и слабые стороны. Эта методика оттачивала поэтический слух. Вскоре Секстон и Кумин запустили собственную мини-мастерскую, используя тот же метод: одна женщина звонила другой по дисковому телефону, зачитывала пару строк, а потом слушала комментарии.

Поддерживать разговор было нелегко, ведь вокруг носились дети. Кумин, которая писала дома, чувствовала себя так, будто работает в «эпицентре бури»⁵⁷. У Секстон тоже была своя буря. Дети карабкались по ней, а она старалась их утихомирить: «Шшш! Стихотворение! Максин!»⁵⁸ Заткнув одно ухо пальцем, Секстон пыталась воспринять смысл всего стихотворения и предлагала заменить вот это слово или разбить строку вот здесь. Потом, когда Секстон и Кумин видели, как выглядят эти стихи на бумаге, они нередко удивлялись. И хотя каждая поэтесса сидела за своим столом, в своем доме, они чувствовали тесную связь. Иногда они часами висели на телефоне.

⁵⁴ Ibid. P. 77–78.

⁵⁵ A Nurturing Relationship. P. 121.

⁵⁶ Ibid. P. 118.

⁵⁷ Newton P. Years of Study, Writing Cheers Newton Lady Poets // Boston Traveler. 1961, June 7.

⁵⁸ A Nurturing Relationship. P. 123.

В одно снежное зимнее воскресенье 1958 года Секстон позвонила Кумин и спросила, можно ли к ней заехать и показать текст – Энн даже не была уверена, что его можно назвать стихотворением. В тот день Секстон на повторе слушала старую песню, которая напомнила ей о времени, проведенном в Гленсайде, и записала кое-какие воспоминания об этом месте⁵⁹. Кумин сказала «приезжай», и Секстон завела свой «форд».

Всего через несколько минут Кумин впервые принимала Секстон у себя в гостях. Это был новый уровень близости. Женщины сели на диван, ощущая неловкость – они никогда не виделись вне класса, машины или лекционного зала, – и Секстон передала Кумин черновик стихотворения «Музыка плывет ко мне». «Это стихотворение?» – спросила Энн⁶⁰.

Судя по всему, действие стихотворения разворачивается в психиатрической клинике. Привязанная к стулу героиня слушает отрывки играющей по радио песни и спрашивает какого-то «Мистера», как ей найти дорогу домой. Она потеряна в месте, где «все... безумны»⁶¹. Краем глаза она замечает пожилых женщин в памперсах и какие-то угрожающие тени. Она слышит – или ей только чудится – песню, которую впервые услышала в первую ночь в этом странном месте. Стихотворение замыкается повторением припева «О, ла-ла-ла, / Эта музыка плывет ко мне» ближе к концу; так, будто разум сам загнал себя в порочный круг. В тексте нет четкого стихотворного размера, как нет и четкого пути домой. Стихотворение «Музыка плывет ко мне» с его необычным, нестройным ритмом кардинально отличалось от ранней поэзии Секстон: обычно Энн писала пятистопным ямбом, который Кумин считала инфантильным.

Макс потрясло новое стихотворение Секстон. «Музыка плывет ко мне» оказалось по-настоящему серьезным произведением. Занятия в мастерской шли своим чередом, и Энн продолжила эксперименты с более сложными рифмами. Той зимой она написала три особенно сильных стихотворения – «Неизвестная девушка в родильном отделении»⁶², «Двойной портрет» и «Вы, доктор Мартин». «Неизвестная девушка» – пронзительный монолог о материнстве: дитя «словно хрупкий сосуд», руки матери «подобны ткани, пеленающей ребенка»; мать, стыдясь отсутствия партнера, «сжимается, пытаюсь не смотреть» в «ищущие глаза» младенца. Так Секстон открывала для себя мастерство создания образов.

Наблюдая за тем, как Энн обнажает свою душу, Максин вдохновилась больше писать о собственной жизни: о шумном отце и элегантной, инфантильной матери. Но Кумин не собиралась подобно Секстон рассказывать о том, что тревожит ее в настоящем. Она решила обратиться взгляд в прошлое. В стихотворении «На полпути» Максин вспоминает свой дом в Филадельфии, который стоял на полпути к вершине холма в Джермантауне, «между монастырем и сумасшедшим домом». Странное место для ребенка. Хотя Кумин была еврейкой, она ходила в католическую школу, и эта незнакомая религия мгновенно заморозила и запутала девочку. Стихотворение передает юношеские впечатления: звуки мессы и крики «сумасшедших» смешиваются в воздухе, и рассказчица не может вспомнить, кто именно кричит. Где проходила месса: в монастыре или в лечебнице? И что это были за крики? Молитвы монахинь или стоны распятого Христа? С непредвзятой позиции стороннего наблюдателя героиня видит, как в католической традиции смешиваются боль и удовольствие, садизм и аскетизм. «Но я перепутала сады», – пишет Кумин.

*Что это за стоны? Наверно, больные
Так криком своим нас грешить отучают.
Монашки, напротив, меня не страшат:*

⁵⁹ Ibid. P. 121.

⁶⁰ Ibid. P. 122.

⁶¹ Sexton A. The Complete Poems. Boston, 1981. P. 6.

⁶² Ibid. P. 24.

*Я за пирогом шла к смиренной сестре.
Она так добра, рассказала потом,
Что молча святые горят на костре*⁶³.

Юная рассказчица слушает легенды о Христе; ей кажется, что она видит «их Христа», и девочка плачет. Стихотворение вносит некоторую ясность в призрачные воспоминания и заканчивается так же, как и начиналось, – в доме на холме.

В ходе занятий в мастерской Кумин написала еще несколько стихотворений о своем детстве. В некоторых из них, казалось бы, непримечательные события предстают на редкость пугающими. В «Сто ночей» отец Максин – «дух мщения»⁶⁴, который прихлопывает летучих мышей, летающих по его дому; он хочет «оглушить» их, а не «убить». Юная героиня плачет и просит отца замуровать дымоход, чтобы «эти крылатые крысы» не пробирались в дом. В памяти Максина «жуткие ночи» занимают существенное место, хотя ее родители утверждали, что подобное случалось редко (на самом деле с летучими мышами сражались не «сто ночей» подряд, хотя заголовок намекает на это). «Когда-нибудь, перед тем как отец умрет, – решает рассказчица, – я спрошу у него, зачем он высвободил этих бестий у моего изголовья». Ей важно было засвидетельствовать пагубное влияние пережитой жестокости на неокрепшую детскую психику.

В стихотворении «Сто ночей» Кумин задалась целью запечатлеть образ отца – вспыльчивого мужчины, который во время ссор с женой бежал за ней вниз по лестнице, пока высокомерная и бесстрастная Долл не запиралась в музыкальной комнате, где часами играла на рояле Steinway. Максин также стала больше писать о своем материнском опыте. Стихотворение «Путешествие» посвящено тринадцатилетней Джейн⁶⁵. Героиня прощается с дочерью и вспоминает, что когда-то и ей самой исполнилось тринадцать и она «как и ты была ошеломлена собственным отражением». Кумин шлет прощальный привет своей юности.

Марианна Мур – поэтесса, о которой положительно отзывались Эзра Паунд и Томас Стернз Элиот, – писала сложные стихи об абстрактных понятиях: мире природы и сути самой поэзии. Возможно, самая знаменитая строчка Мур «Мне тоже это не нравится»⁶⁶ могла бы с немалым успехом выразить чувства разочарованного читателя ее стихов, сбитого с толку разрывами строк и вконец запутавшегося в силлабике. Некоторые поэты, например Элизабет Бишоп, пошли по стопам Мур, хотя Бишоп и более прямолинейна. Однако Секстон и Кумин избрали другой подход. Их поэзия была мелодичной, а не разноголосой, искренней, а не энигматической. Они считали, что открытый разговор о сложном личном опыте столь же необходим, как и размышления о смысле искусства.

И хотя Секстон и Кумин писали, основываясь на личном опыте, их поэзия, звучащая столь несхоже, отражала различие их темпераментов. Секстон была энергичной женщиной, к которой поклонники слетались как пчелы к распустившемуся цветку, а Кумин излучала сдержанное очарование. Максин скептически относилась к чрезмерной эмоциональности, и лишние социальные взаимодействия были ей в тягость. Поселившись в Ньютоне, Кумин искала возможность уехать из пригорода и обосноваться за городом, в тихом и спокойном месте. А Секстон, заглушающая тревогу выпивкой, неизменно покидала вечеринку последней.

И все же Энн и Максин стали близкими подругами. Отчасти дело в расстоянии, ведь они были практически соседями, а отчасти в том, что Кумин и Секстон дополняли друг друга. Максин была уравновешенной, когда Энн выказывала непостоянство, ответственной, когда Энн

⁶³ Kumin M. Halfway // Harper's Magazine. 1959, January 1. P. 37.

⁶⁴ Ibid. P. 73.

⁶⁵ Ibid. P. 49.

⁶⁶ Moore M. Poetry // Others for 1919: An Anthology of the New Verse / Ed. A. Kreymborg. New York, 1920.

проявляла взбалмошность. Кумин делилась с Секстон знаниями, которые получила в колледже, а Секстон показывала Кумин, как писать сердцем, а не рассудком. Общий интерес к ценности личного опыта в поэзии объединил их. Связь, возникшая случайно, была крепка до самой смерти одной из поэтесс.

Глава 2

Кто соперницы?

Секстон и Кумин достигли совершеннолетия в необычный для американских женщин период: после настоящей, кровопролитной войны и в самый разгар холодной. В конце 1940-х на волне всеобщего оптимизма женщины обрели новые возможности. Пришел конец нормированию и ужасам Второй мировой. В культурные и просветительские учреждения страны хлынул поток накопленных в официальных валютных резервах средств. Настало веселое время: время жить и учиться, время влюбляться, время целовать своего солдата.

К 1950-м атмосфера была уже не столь радужной, чувствовалась всеобщая настороженность. Казалось, надвигается еще одна война, и, возможно, гораздо более опустошительная. В 1950 году 61 % американцев считали, что в следующей войне США стоит использовать ядерную бомбу; к 1956-му две трети населения стали опасаться, что, случись еще одна война, бомбу сбросят уже на Америку⁶⁷. Стараясь избежать открытых разногласий в ситуации крайне высокой вероятности вооруженного конфликта, Америка вела борьбу на культурном фронте. В надежде привлечь на свою сторону иностранные государства Соединенные Штаты представляли и пропагандировали свои убеждения, свои права и свободы и образ особого американского счастья. Так мирная и процветающая американская семья стала метафорой национальной безопасности.

Хотя дипломат Джордж Фрост Кеннан впервые использовал термин «сдерживание» для описания американской внешней политики в отношении коммунизма в 1947 году, это слово столь же успешно применялось в политике внутренней. Никакой девиантности и «мягкости»; положим конец «красной» и «лавандовой» угрозе: гомосексуалы, коммунисты и политические диссиденты столкнулись с общественным порицанием. Тем временем женщин попросили отказаться от свобод, которыми они так дорожили со дня победы над Японией, – от свободы передвижения, ассоциаций, выбора одежды. Женщины отложили книги и гаечные ключи и взяли в руки кухонные лопатки. Они массово уходили из колледжей.

И все же в узких кругах бостонских художников, где вращались Кумин и Секстон, было несколько женщин, которые наблюдали и слушали. Там процветало достаточно крупное и динамичное поэтическое сообщество. Лучшие поэты Америки приезжали в Бостон, вели занятия и проводили чтения. Их везли поездом из Нью-Йорка и самолетами из Айовы. На вечеринках алкоголь лился рекой и сквозь шум слышались звучные голоса Рэндалла Джаррелла, Роберта Лоуэлла, Уильяма де Снодграсса – поэтов, имена которых будут известны еще многие годы. В сигаретном дыму и море твида порой мелькали платья и стрижки паж нескольких женщин мира поэзии: Энн Секстон, Адриенны Сесиль Рич, Сильвии Плат. Они крепко, словно входные билеты, сжимали в руках бокалы и пытались перекричать мужчин.

Как и многие начинающие писатели до них, эти женщины собрались, чтобы отдать дань уважения великому учителю своего века – очаровательному, эксцентричному гению, снискавшему славу в литературном и художественном движении середины столетия. Красавчик Роберт Лоуэлл не первый заслужил такое отношение со стороны начинающих художников. Пабло Пикассо, которого позже называли «ужасно известным и ужасно неприветливым», был основоположником кубизма⁶⁸. Сумасбродный, непоследовательный Эзра Паунд выступал в роли импресарио трансатлантического модернизма (памятуя о его колоссальном влиянии на эпоху, один критик окрестил Интербеллум «эрой Паунда»). Аллен Тейт, благородный литератор, способствовал популяризации творчества южных аграриев и открыл студентам и педаго-

⁶⁷ May E. T. *Homeward Bound*. New York, 1988. P. 23.

⁶⁸ *Riding A. Grandpa Picasso: Terribly Famous, Not Terribly Nice* // The New York Times. 2001, November 24.

гам новое понимание поэзии. Однако с наступлением послевоенной эпохи фигура великого учителя приобрела новое значение. Наступил расцвет американского университета, высшее образование становилось более демократичным. Благодаря Закону о правах военнослужащих ветераны наводнили университетские залы; количество студентов увеличилось, и это привлекло дополнительное государственное финансирование. Университеты вкладывали средства в искусство и естественные науки, открывались лаборатории и программы изобразительных искусств. Также росло количество программ писательского мастерства, и благодаря этому формировались новые артистические круги, к 1975 году существовало уже пятьдесят две программы – наблюдался существенный рост с 1940-х, когда их было всего несколько⁶⁹. Хотя писательское мастерство преподавали в Университете Монтаны с 1920 года, а в Университете Айовы с 1936-го, новые писатели не попадали в башню из слоновой кости до конца 1950-х и 1960-х годов. Теперь юноши и девушки могли официально учиться среди других выдающихся умов. Так аудитории превращались в храмы поклонения, а иногда и в поле битвы между поколениями.

Изучая бостонскую литературную сцену 1950-х годов, встречаешь истории женщин, которые – группами по двое и по трое – учатся у привлекательных, талантливых мужчин и пользуются доступными им возможностями. Они оценивают конкуренцию, они наблюдают за соперницами, время от времени находят конфиденток и очень редко заводят друзей.

Февральским вечером 1959 года, почти через два года после того, как Секстон впервые решила пройти по Коммонвелс-авеню, юная поэтесса Сильвия Плат зашла в крошечный конференц-зал Бостонского университета. За окнами царил слякоть; всего в нескольких кварталах текла река Чарльз, отделяющая Бостон от Кембриджа. Светлые волосы Плат были длиннее, чем она носила обычно: она планировала сделать стрижку паж или что-то столь же модное, но пока не успела. Не снимая пальто из верблюжьей шерсти, Сильвия села на свободное место прямо напротив ожидающего начала занятия преподавателя. Еще не было двух часов дня.

Один за другим студенты заполняли аудиторию; хоть курс был открытым, в основном приходили магистранты Бостонского университета, по большей части мужчины. Избавившись от влажных пальто и заняв свои места, они разворачивали тонкие, полупрозрачные листы бумаги, на которых печатали свои стихи. Тишину аудитории нарушал только шелест.

Вскоре после двух в комнату вошел Роберт «Кэл» Лоуэлл. Он не изменился с неловкого ужина, на котором недавно побывал в квартире Плат на Уиллоу-стрит: высокий, с квадратной челюстью и необыкновенно красивый, несмотря на редкие волосы и очки в толстой оправе. Поговаривали, что в последнее время Лоуэлл был нездоров, как физически, так и психически, но в тот день он выглядел вполне сносно. Не включая верхний свет, Роберт прошел сквозь зимний сумрак к своему месту во главе стола. Воздух, казалось, постепенно густел от нагнетаемого нервного напряжения. Поскольку весенний семестр только начинался, Лоуэлл открыл семинар, попросив студентов перечислить любимых поэтов. Плат, которая посещала занятия как вольнослушательница, предложила Уоллеса Стивенса, и Лоуэлл поддержал ее инициативу. Другие студенты перечисляли хрестоматийных авторов: Джона Китса, Сэмюэла Кольриджа, Джона Донна. А если кто-то из студенток втайне и симпатизировал, к примеру, знаменитой поэтессе Эдне Сент-Винсент Миллей или Мюриэль Рукейзер, она бы никогда об этом не сказала: все понимали, что «женской» поэзии в классе Лоуэлла не место. После того как все студенты высказались, Лоуэлл открыл антологию поэзии XIX века в кожаном переплете и, нависнув над книгой, начал читать так тихо, что всем пришлось придвинуться поближе, чтобы его слышать.

Занятие длилось уже несколько минут, когда в аудиторию влетела порывистая темно-волосая женщина. Она выглядела немного старше большинства студентов, была одета в блузку с

⁶⁹ *McGurl M. The Program Era: Postwar Fiction and the Rise of Creative Writing. Cambridge, 2009. P. 24.*

вырезом, достаточно броско покрашена и, бесспорно, красива, но какой-то неуловимо болезненной красотой. Опоздавшая прошествовала в дальний конец аудитории, позвякивая браслетами⁷⁰. Один из студентов поднялся, чтобы уступить ей место, поскольку все стулья были уже заняты. Женщина села, сняла туфлю на высоком каблуке, достала пачку сигарет и закурила, стряхивая пепел на каблук. Это была Энн Секстон.

Почти час Лоуэлл бубнил стихи себе под нос, а студенты слушали, едва сдерживая панику. Их преподавателю нравилось посвящать первую часть занятия чтению произведений своих любимых поэтов: Уильяма Вордсворта, Уильяма Эмпсона, своей близкой подруги Элизабет Бишоп. Он зачитывал стихотворение, а затем спрашивал слушателей: в чем смысл этого произведения? Чем хороша эта строка? Иногда какой-нибудь магистрант предпринимал попытку ответить. Женщины, как заметила Плат, всегда молчали. Но только не опоздавшая.

«Мне эта строка удачной совсем не кажется!» – ответила Секстон на один из вопросов Лоуэлла. Изумленный преподаватель дал ей слово. Похоже, эти двое нашли общий язык.

На второй час Лоуэлл перешел к студенческим стихам, что только усугубило панику⁷¹. По методу поэта стихотворение сначала зачитывали, а затем, после паузы, Роберт как будто невзначай бросал пару замечаний. «Вот здесь вышло лучше всего», – мог сказать он, указав на какую-нибудь строфу⁷². Или «поменяйте начало и конец местами». Его комментарии походили на зловещие, внушающие трепет предсказания оракула. Мало кто из студентов был способен дать содержательную обратную связь своим одноклассникам. Тем же вечером уже в своей квартире в Бикон-Хилл Плат сделала запись в дневнике: «Вчерашнее занятие с Лоуэллом меня очень разочаровало». У Сильвии был небольшой педагогический опыт: она преподавала в колледже Смит и могла отличить хороший семинар от плохого. «Я высказала пару нейтральных мыслей, а несколько студентов Бостонского университета несли ерунду, своим первокурсникам из Смита я бы такого не позволила. Лоуэлл хорош, но мягок, женственен, неэффективен. Ощутила регресс. Важно слушать стихи других студентов и его реакцию на мои. Нужен взгляд со стороны»⁷³.

Когда Плат писала эти строки, ей было двадцать шесть, она была полна литературных амбиций и мечтала стать идеальной женой. Вместе со своим мужем, английским поэтом Тедом Хьюзом, она планировала «выпустить в свет целую полку книг. И целый выводок исключительных, здоровых детей!»⁷⁴ Но литературный успех ускользнул от Плат, которая опубликовала свое первое стихотворение в *Harper's*, когда еще училась в колледже Смит. Она считала, что *уже* сделала бы себе имя, если бы не потеряла год на то, чтобы восстановиться после попытки самоубийства, что *уже* зарекомендовала бы себя. Но вместо этого она, стремясь наверстать упущенное, тащилась в Бостонский университет посреди зимы.

На следующей неделе Плат вернулась в темную аудиторию, полагая, что она – лучшая поэтесса в классе Лоуэлла. Сильвия вела учет соперниц, составляя списки в своих дневниках: «Высокомерная, я думаю, что написала строки, которые дают мне право быть Главной Поэтессой Америки... Кто соперницы? Ну, в исторической перспективе – Сапфо, Элизабет Баррет Браунинг, Кристина Россетти, Эми Лоуэлл, Эмили Дикинсон, Эдна Сент-Винсент Миллей, – и все они мертвы. Сейчас: Эдит Ситуэлл и Марианна Мур, стареющие великаны и поэтические

⁷⁰ Так помнит первое появление Секстон в классе Кэтрин Спивак. Секстон рассуждает о курении в аудитории в своем эссе «Класс в Бостонском университете».

⁷¹ Чтобы описать семинары Лоуэлла, я обратилась к нескольким источникам. Во-первых, воспоминания Секстон «Класс в Бостонском университете». Кроме того, дневники Плат – там я почерпнула подробную информацию о занятиях, а также физическом и эмоциональном состоянии Плат в то время. Кроме того, я учла комментарии из мемуаров Спивак «Роберт Лоуэлл и его круг».

⁷² Spivack K. With Robert Lowell and His Circle: Sylvia Plath, Anne Sexton, Elizabeth Bishop, Stanley Kunitz, and Others. Boston, 2012. P. 48.

⁷³ Plath S. The Unabridged Journals of Sylvia Plath / Ed. K. V. Kukil. New York, 2000. P. 471.

⁷⁴ Ibid. P. 270.

крестные матери. Вернее: Мэй Свенсон, Изабелла Гарднер и, ближе всего, Адриенна Сесиль Рич – которые скоро окажутся в тени этих восьми моих стихотворений»⁷⁵. Плат следила за соперницами как браконьер, отслеживающий дичь: действовала неумоимо и грамотно маскировалась. За благородной осанкой и скромным изяществом таилась неистовая жажда признания.

К собственному удивлению, Сильвия вскоре обнаружила, что Лоуэлл больше прочих ценил эту сумбурную Секстон. Казалось, он заморожен ею, но не так, как другими красивыми женщинами (у него было много романов на стороне, отношений, с которыми его жена, писательница Элизабет Хардвик, справлялась столь же умело, как и с прочими маниакальными эпизодами мужа). Но на этот раз Лоуэлл демонстрировал истинное уважение к голосу Секстон, мастерству владения которым она училась той зимой, к ее исповедальной поэзии. Энн начала писать не так давно, а к классу Лоуэлла присоединилась только в сентябре 1958 года, но у нее уже был дар к созданию образов. Она выражала сложные чувства просто и искренно. «У нее есть очень хорошие вещи, и она их успешно дорабатывает, хотя есть и много слабых»⁷⁶, – подмечает Плат в своем дневнике.

Когда Лоуэлл начал зачитывать некоторые из своих еще недоработанных стихов в классе, Плат стало понятнее, почему он восхищается Секстон. Этот образованный, прославленный поэт писал о своих родителях, о своем супружестве и даже о своей душевной болезни. Студентов, изучавших творчество Элиота, поэта, который сделал ставку на ценность «безличности» в искусстве, шокировали и будоражили новые сочинения Лоуэлла. Похоже, камерная семейная жизнь стихотворца могла стать подходящей темой лирической поэзии.

Одобрение Лоуэлла много значило для студентов. В 1959-м он был самым уважаемым поэтом Америки. Он был консультантом по поэзии при Библиотеке Конгресса и лауреатом Пулитцеровской премии в 1947 году (а затем и в 1974). Как-то раз Дилан Томас возложил на голову Лоуэлла руки. А поскольку предки Роберта приплыли в Америку на «Мейфлауэр», некоторые бостонские снобы полагали, что родословная Лоуэлла столь же безупречна, как и его сонеты.

Вызов для кого-то вроде Плат – молодой поэтессы и ученицы Лоуэлла, жаждущей пообщаться к гению поэзии, – заключался в том, что Роберту не нравились женщины-писательницы. Он делил писателей на две категории: «главные» – Вордсворт, Томас, Стивенс – и «второстепенные». Практически все поэтессы-женщины, за несколькими исключениями, были «второстепенными» писательницами. Он хвалил свою подругу Бишоп – невозмутимая и наблюдательная, она внедрилась в мужской канон, – а также Марианну Мур, которую однажды на мероприятии представил как величайшую *женщину*-поэта (Лэнгстон Хьюз, который присутствовал в зале, вскочил на ноги и выкрикнул, что Мур – величайшая *негритянская женщина*-поэт. Не многие оценили иронию)⁷⁷.

Особенно презрительно Лоуэлл отзывался о поэтессах, которые писали о жизни женщин, например Рукейзер и Дениз Левертов. Когда Секстон открыто выразила свое несогласие с позицией Лоуэлла, представив ему стихотворение поэтессы и редактора Кэролин Кизер, в котором автор обвиняла мужчин вообще и Роберта в частности в неуважении к женщинам-писательницам, Лоуэлл сказал только: «Каролин Кизер красивая девочка»⁷⁸.

Мизогиния была обычным делом в писательских кругах. Кэтлин Спивак – поэтесса, учившаяся в Бостонском университете вместе с Плат и Секстон, – вспоминала, что «там все

⁷⁵ Ibid. P. 360.

⁷⁶ Ibid. P. 475.

⁷⁷ Kumin M. The Pawnbroker's Daughter: A Memoir. New York, 2015. P. 79.

⁷⁸ Sexton A. A Self-Portrait in Letters / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 68.

принадлежало мужчинам!»⁷⁹ Женщины часто брали на себя роль преданных жен поэтов: они печатали рукописи и помогали мужьям справиться с неуверенностью. В книжных магазинах на Гарвардской площади мужчины отдыхали на диванах, общаясь только между собой, а женщины суеились вокруг них. А те женщины, которые все-таки писали сами, видели друг в друге конкуренток. Даже успешная, уважаемая поэтесса Адриенна Рич, обладательница престижной Йельской премии молодых поэтов 1950 года, беспокоилась о том, что ее превзойдет какая-нибудь молодая выскочка. «Мне конкуренция в литературных кругах казалась чрезвычайно дефеминизирующей»⁸⁰, – вспоминала она позже.

Так было не только в Бостоне. По всей стране на пути у женщин с университетским образованием стоял заслон из самоуверенных мужчин. В то время женщины без диплома о высшем образовании работали машинистками, а те, что закончили университет, не могли устроиться и на такую работу (им отказывали из-за слишком высокой квалификации). Но для большинства чиновников проблемы трудоустройства женщин очевидны не были. Так, в 1955 году в колледже Смит Эдлай Стивенсон напомнил выпускному классу Плат, что «главной задачей» женщины является «хранить домашний очаг и производить на свет людей, которым можно будет привить рациональные ценности: свободу, терпимость, милосердие и стремление к познанию»⁸¹. Занимайтесь детьми, а не поэзией.

И они занимались. Но некоторые женщины не растеряли любопытства и поэтому научились слушать. Они слушали, как мужчины пытаются превзойти друг друга в полемике и стремились почерпнуть что-то новое из их реплик. По воспоминаниям писательницы Энн Ройф, женщины нью-йоркской литературной сцены находились «на периферии дискурса»⁸². «Мы, девушки, которых еще не называли женщинами, – вспоминала она, – были как греческий хор: после окончания битвы мы мыли пол, вытряхивали пепельницы, несли стаканы к раковине. А главное происходило с мужчинами, с писателями».

Секстон хотела быть писательницей, а не частью хора. Но оказалось, что быть женщиной-литератором очень сложно, и Энн одолевала тревога. «Быть „поэтом“ в Бостоне было бы не так и сложно, да только нас тут целое скопище»⁸³, – писала Секстон другу в феврале того же года. – Город кишит хорошими писателями, и это ужасно угнетает». Даже когда Энн завоевала расположение Лоуэлла, его похвалу в аудитории и за ее пределами – он часто звонил Секстон, чтобы выразить восхищение ее талантом, – поэтессе все равно беспокоила собственная неискоренимая женственность. В письме поэту У. Д. Снодграссу, с которым она познакомилась и подружилась на писательской конференции в Антиохском колледже, Энн делится переживаниями о том, что «пишет как женщина», и признается, что «втайне боится» оказаться «реинкарнацией Эдны Сент-Винсент»⁸⁴. Хотя Лоуэлл не высказывал подобных сравнений, Секстон все равно переживала из-за своей женственности. «Я бы хотела быть мужчиной, лучше бы я писала как мужчина», – говорила Энн Снодграссу. Многие годы «она пишет как мужчина» было лучшей похвалой для Секстон.

В марте, тогда же, когда Энн рассказывала Снодграссу о своих страхах, Лоуэлл неожиданно попросил Секстон прочитать одно из ее стихотворений вслух перед всем классом. Она написала «Двойной портрет» прошлой осенью, и произведение уже приняли к публикации в *The Hudson Review*. Секстон сочинила его в первый семестр обучения у Лоуэлла, осенью 1958-го. Та осень принесла Энн много испытаний. Отец Секстон перенес инсульт, а Мэри Грей, у

⁷⁹ Spivack K. Op. cit. P. 57.

⁸⁰ Middlebrook D. Op. cit. P. 111.

⁸¹ Stevenson A. E. A Purpose for Modern Woman // Women's Home Companion. 1955, September. P. 30–31.

⁸² Roiphe A. Art and Madness: A Memoir of Lust Without Reason. New York, 2011. P. 141.

⁸³ Sexton A. A Self-Portrait in Letters / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 56.

⁸⁴ Ibid. P. 40.

которой в феврале 1957 года диагностировали рак, обнаружила, что опухоль метастазировала. Когда мать Секстон узнала о диагнозе, она обвинила во всем Энн, полагая, что рак был вызван стрессом, обусловленным необходимостью ухаживать за душевнобольной дочерью. С тех пор болезнь матери вызывала у Секстон сложные чувства. Однажды Энн призналась доктору Орне: «Ее смерть освободила бы часть меня. Но это было бы ужасно – ведь тогда я бы растворилась»⁸⁵.

К февралю 1959-го у Мэри Грей была четвертая стадия рака. И вот мать Секстон лежит при смерти, а сама Энн, сидя в тихой аудитории Бостонского университета, читает вслух свое стихотворение о потребностях разных поколений. В следующем месяце Мэри Грей умерла. «Двойной портрет» обращен к дочери, в юном возрасте разлученной с матерью на столь долгий срок, что дочь, когда мать заговаривает с ней, не узнает ее голос. Мать, от лица которой написано стихотворение, размышляет о периоде отчуждения – «трех осенних годах, которые ты провела не здесь» – и о собственной вине и терзаниях из-за того, что она не смогла быть хорошей матерью. «Уродливые ангелы говорили со мной», – вспоминает женщина⁸⁶.

*Они сказали —
Я виновна. В голове
Зеленых ведьм лишь шепот, их проклятья
Жгут и сочатся, будто сломан кран;
Наполнен мой живот и колыбель твоя.
И этот старый долг – мое распястье.*

Страх и грехи передаются от матери к ребенку через кровь, одновременно даруя силы и обрекая на страдания. Героиня не понаслышке знает о материнских проклятиях, ведь она тоже дочь – женщина, унаследовавшая улыбку матери. Она вспоминает, как восстанавливалась в доме матери после приступа безумия, «наспех залатанная вещь, переросший ребенок», и как мать не могла простить ей попытку самоубийства или, может быть, ее печаль. Вместо этого мать героини заказала портрет дочери и повесила его в семейном доме рядом со своим – это один из «двойных портретов» из названия стихотворения. Вскоре мать рассказчицы заболевает «как будто смерть заразна», словно наследуя недуг дочери («взглянула, говорит, / что я в нее болезнь вселила»), в то время как сама героиня медленно идет на поправку. В стихотворении, состоящем из семи разделов неравной длины, «двойной портрет» – портрет матери и дочери – удваивается: рассказчица чередует описания своих отношений с матерью и дочерью. Она словно связующее звено, точка пересечения двух ролей, женщина, которая заботится и нуждается в заботе, выполняет две функции одновременно.

«Двойной портрет» заканчивается размышлением героини о материнском эгоизме и о том, какие невыполнимые требования матери предъявляют к своим дочерям:

*Я не знала о том, каково это —
Быть собой, и нуждалась в еще одной
Жизни, портрете, чтобы понять.
Такова моя боль, и тебе ее не унять.
Я искала себя, получилось тебя создать.*

Лоуэлл высоко оценил это стихотворение – оно соответствовало его идее о выражении простой, но горькой истины. «Мне *кажется*, это значит, что ему понравилось, как я прочла

⁸⁵ Middlebrook D. Op. cit. P. 47.

⁸⁶ Sexton A. The Double Image // The Complete Poems. Boston, 1981. P. 35–42.

стихотворение, так что теперь и сам текст нравится ему больше⁸⁷, – писала Энн Снодграссу, рассказывая о семинаре. – Тем лучше. В целом, у него хорошая драматическая структура – но, если разбираться, много недочетов, – правда Лоуэлл разбора не делал». А Плат это стихотворение заинтриговало. Поэзия Энн была откровеннее, чем всё, что в то время писала Сильвия. Вдохновившись, Плат вычеркнула одно стихотворение из черновика своей книги: «Сюда бы лист из книги Энн Секстон, – размышляла Сильвия. – Ей не хватает моей аргументации, легкости фраз и честности»⁸⁸. В классе Лоуэлл часто объединял двух поэтесс в пару в надежде, что они помогут друг другу. «Энн была более искренна и знала меньше, – сказал он позже об этой паре. – Мне казалось, что они могли повлиять друг на друга. Сильвия училась у Энн»⁸⁹.

Вскоре после того, как Секстон прочитала свое стихотворение о матери и дочери, Плат и Секстон создали свой собственный двойной портрет. После занятий они начали общаться друг с другом и с Джорджем Старбаком, поэтом и редактором *Houghton Mifflin*, который подружился с Секстон в мастерской Холмса. Вечером по вторникам троица садилась в «форд» Энн и отправлялась в отель «Ритц-Карлтон», место, которое Хардвик однажды назвал «единственным общественным местом в Бостоне, которое можно считать первоклассным»⁹⁰. Секстон часто парковалась в неполюженном месте, в погрузочной зоне. «Ничего страшного, – шутила она, – мы ведь как раз собираемся нагрузиться!»⁹¹ Старбак шел между Энн и Сильвией, держа обеих женщин под руки, и вел кампанию в бар⁹².

Друзья заказывали выпивку на всех три-четыре раза за вечер. Женщины сравнивали свои попытки самоубийства и жевали картофельные чипсы. Старбак, который к тому моменту был совершенно без ума от Секстон, слушал их мрачный разговор (в то время у Старбака с Секстон был короткий роман). Потом троица отправлялась в *Waldorf Cafeteria* с его клетчатым плиточным полом и кофейными автоматами: ужин там стоил семьдесят центов. Друзья занимали один из маленьких квадратных столиков со стоящими в центре солонкой и перчатницей и наблюдали за бостонскими улицами сквозь жалюзи. Секстон привлекала «глубоко чувствующая, образованная, проницательная, странная, очаровательная блондинка Сильвия»⁹³, но Энн считала, что как поэтесса Плат стоит у нее на пути. «Я сказала мистеру Лоуэллу, что чувствую, что она уклоняется от темы и, возможно, это происходит из-за ее увлеченности формой»⁹⁴, – писала Секстон позже. – Все ее ранние стихи были как будто в клетке (и клетка даже не ее)».

В своем дневнике Плат писала, что планирует стать «Главной Поэтессой Америки», но слава ускользала от нее, сколько она ни перетасовывала свои списки поэтов. В то время как ко всем остальным, наоборот, приходил успех. Той весной Секстон продала свою первую книгу стихов *Houghton Mifflin*, где Старбак работал редактором (он и посоветовал издать книгу Энн). Плат восприняла успех Секстон как личное оскорбление. На праздничном ужине Старбак, по словам Плат, выглядел «самодовольным, как кот, который наедался сливок»⁹⁵, ведь, по мнению Сильвии, это было «в каком-то смысле камнем в мой огород». Не то чтобы у Старбака не было собственных достижений: в июне он получил Йельскую премию молодых поэтов. В день, когда Плат услышала о премии Старбака, она решила написать рассказ о своей попытке

⁸⁷ Sexton A. *A Self-Portrait in Letters* / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 65.

⁸⁸ Plath S. Op. cit. P. 477.

⁸⁹ Hamilton I. *A Conversation with Robert Lowell* // Robert Lowell: Interviews and Memoirs / Ed. J. Meyers. Ann Arbor, 1988. P. 170.

⁹⁰ Hardwick E. Boston // *The Collected Essays*. New York, 2017. P. 74.

⁹¹ Sexton A. *The Bar Fly Ought to Sing* // Sexton A. *No Evil Star: Selected Essays, Interviews, and Prose* / Ed. Colburn S. E. Ann Arbor, 1985. P. 7.

⁹² Подробности об этих вечерах взяты из эссе Секстон.

⁹³ Ibid. P. 10.

⁹⁴ Ibid. P. 9.

⁹⁵ Plath S. Op. cit. P. 484.

самоубийства (но сначала ей пришла идея написать об интрижке Секстон и Старбака). «На эти психиатрические штуки сейчас растет спрос, – отметила Сильвия. – Глупо не попытаться пережить, воссоздать свой опыт»⁹⁶. Так в 1963 году увидел свет роман «Под стеклянным колпаком» – история о «самоубийстве студентки»⁹⁷. Это была последняя работа Плат, опубликованная при ее жизни.

Пока Плат строила планы, Секстон заперлась в кабинете и остервенело редактировала рукопись своей книги. Лоуэлл предложил заменить пятнадцать стихотворений на новые. Энн сочиняла очень быстро, но она не вполне доверяла советам учителя. «Я просто не уверена насчет Лоуэлла»⁹⁸, – писала она Кизер, автору обвинительного стихотворения, а теперь подруге, и в том числе по переписке. – Возможно, ему нравятся мои стихи, потому что они все немного сумасшедшие или повествуют о сумасшествии и, может быть, ему близка я и моя „поэзия умалишенных“».

И действительно, Лоуэллу, как и Секстон, было интересно писать о личных проблемах. В том же мае, когда Секстон продала свою рукопись, были опубликованы «Исследования жизни» Лоуэлла. В рецензии на книгу Лоуэлла «Нация» М. Л. Розенталь утверждал, что его поэзия – «терапия души». В рецензии «Поэзия как Исповедь» Розенталь говорит о том, как «Лоуэлл снимает маску. Его лирический герой несомненно он сам, и трудно не воспринять „Исследования жизни“ как череду довольно постыдных личных признаний, разглашать которые чревато»⁹⁹. В 1960-м книга получила Национальную книжную премию и ознаменовала зарождение нового революционного жанра в американской поэзии, названного «исповедальным» – так прижилось меткое замечание Розенталя. Изначально название было воспринято с долей иронии, но после успеха «Исследований жизни» этот жанр стал привлекать поэтов.

Многие годы всех писателей, которые когда-то сидели в той маленькой темной аудитории на Коммонвелс-авеню, – Секстон, Плат и самого Лоуэлла, – называли представителями «исповедального» жанра. Ярлыки всегда раздражали Секстон: она ненавидела, когда ее причисляли к какой-то категории. И особенно Энн возмущала мысль о том, что она переняла свой поэтический стиль у Лоуэлла. Иногда она полностью отрицала влияние Роберта, утверждая, что даже не читала его произведений. Секстон объясняла, что если чему и научилась у Лоуэлла, так это тому, о чем писать *не* нужно. Он привил ей образ мысли, подход к поэзии, но ее стихи принадлежали только ей. «Господи, я такое ершистое существо!»¹⁰⁰ – писала Энн Снодграссу в июне 1959 года. – И в маниакальные моменты я говорю себе, что я лучше, чем Лоуэлл! Как вам *такой* поэтический образ!!!»

По окончании семинара Секстон посвятила лето доработке своей рукописи. К тому времени, как в августе ее книга поступила в типографию, Энн уже отнюдь не была «реинкарнацией Эдны Сент-Винсент», которой чувствовала себя в октябре. Она продала книгу и провела чтения в Кембриджском театре поэтов. На мероприятии ее поддерживали Кумин, которая сама работала над рукописью книги, и Старбак. Секстон не сломили тревоги и критика на семинаре Лоуэлла. Она одержала победу в сопернической, коварной литературной среде.

Дела остальных обстояли не столь радужно. Плат вскоре уехала из Бостона, страшась того, во что превратится ее жизнь наедине с Хьюзом. «У меня нет жизни отдельно от него, скорее всего, я стану его бесплатным приложением»¹⁰¹, – писала Сильвия всего через несколько недель после того, как они с Хьюзом поселились в арт-резиденции *Yaddo* в Саратога-Спрингс

⁹⁶ Ibid. P. 495.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Sexton A. A Self-Portrait in Letters / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 70.

⁹⁹ Rosenthal M. L. Poetry as Confession // Nation. 1959, September 19. P. 154.

¹⁰⁰ Sexton A. A Self-Portrait in Letters / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 79.

¹⁰¹ Plath S. Op. cit. P. 524.

(штат Нью-Йорк). Тем временем соперница Плат Адриенна Рич жила «в беспредельном унынии»¹⁰²; она не могла понять, как продолжать писать, одновременно ухаживая за тремя детьми. Казалось, ее жизнь кончена.

Кумин преподавала в Университете Тафтса; в 1958-м Максин стала первой женщиной-преподавательницей департамента английского языка за время существования этого учебного заведения; правда, ей доверяли учить только студентов кафедры физического воспитания и зубных техников. Даже непревзойденная Хардвик ощущала тревогу и злость, запертая в городе, который считала «балансирующим на тонких ножках... слегка сдвинутым в своей невротичности, провинциализме и серьезности, лишенной интеллектуальной значимости»¹⁰³. Вскоре они с Лоуэллом уехали в Нью-Йорк.

Даже когда женщинам-писательницам удавалось обрести друг друга в патриархальных литературных кругах Бостона середины XX века, дружеские отношения, которые они строили, часто не выдерживали испытания конкуренцией и завистью. На семинарах было так мало мест, и так много молодых писателей жаждали признания. Их связи были эфемерными: после вечеров, проведенных в баре, женщины возвращались домой к мужьям. Наутро, несмотря на все сложности (или, возможно, благодаря им), отношения супружеских пар оказывались стабильнее, чем женская дружба.

Разношерстная компания женщин-писательниц – Секстон, Рич, Плат, Кумин, – знаменитая концентрацией таланта и грядущей славы, так и не сплотилась в настоящее сообщество. С учетом того, как нелегко завязывались отношения между женщинами, тем более примечательна зародившаяся в аудитории курсов для взрослых и возобновившаяся в Ньютонской библиотеке дружба Секстон и Кумин. Но даже их дружба не раз оказывалась под угрозой, когда влиятельный мужчина решал, что его право и даже обязанность – вмешаться, чтобы помочь одной женщине освободиться от влияния другой.

Угроза возникла в 1961 году, всего через несколько лет после того, как Кумин и Секстон встретились и сдружились. Летом и осенью того же года Холмс и несколько членов его семинара участвовали в своеобразной неформальной мастерской: поэты собирались вместе, делились наработками и перебрасывались шутками и остротами. В состав группы вошли Старбак, Сэм Альберт, Тед Вайс и, конечно же, Холмс. Участники по очереди проводили эту вечернюю мастерскую, не забывая о напитках. Дети Кумин терпеть не могли, когда группа собиралась у них дома. «О, поэты! – жаловались они всякий раз перед мастерской. – Опять поспать не дадут». Дети дрались за спасительную возможность ночевать в комнате над гаражом – та часть дома находилась в наибольшем отдалении от шумных сборищ.

Позднее Кумин описала свое впечатление от мастерских: «В тот период все мы активно писали и редактировали, стремясь обойти друг друга, как будто за нами гнались все волки мира. Собралась ершистая, живая, нередко язвительная, но все же дружественная компания»¹⁰⁴. Поэты страстно спорили, возражая против непрошенных предложений и отстаивая необходимость внесения важных изменений. Больше всех выделялась Секстон. Она боролась за свои стихи, как яростная львица. Позже Энн писала: «Они будто забирали у меня моих детей»¹⁰⁵. И что же? Дома Секстон вносила в стихи те самые изменения, которые предлагали коллеги по перу! Она наполняла бокал из ближайшей бутылки, а потом танцевала и прыгала по комнате, восторгаясь блестящими советами друзей.

¹⁰² *Middlebrook D.* Op. cit. P. 111.

¹⁰³ *Hardwick E.* Op. cit. P. 70.

¹⁰⁴ *Kumin M.* How It Was // *Sexton A.* The Complete Poems. Boston, 1981. P. xxiv.

¹⁰⁵ *A Nurturing Relationship.* P. 128.

Холмс с трудом переносил эти спектакли Секстон. Он ненавидел «настойчивое яканье»¹⁰⁶ Энн, которое, по его мнению, отрицательно повлияло на ее творчество. Секстон всегда не нравилась Холмсу: ни в 1957-м, когда она только-только вступила в ряды поэтов, ни теперь, когда ее книги уже публиковали. Его беспокоило ее эмоциональная нестабильность и пристрастие к алкоголю – сам он был в завязке. Кумин и Секстон предполагали, что первая жена Холмса страдала от душевной болезни и покончила с собой, и Энн не нравилась Холмсу из-за ее сходства с покойной. В Секстон его коробило и уязвляло абсолютно все.

Конфликт Холмса и Секстон назревал многие годы. Впервые разлад произошел в 1959 году, когда Секстон, посещая семинар Лоуэлла, попросила Холмса прочитать первую рукопись ее книги. Холмс не скрывал, что не разделяет восторгов Лоуэлла по поводу слишком личных стихов Секстон, и пытался отговорить Энн от публикации книги в первоначальном виде. Секстон не удивила реакция учителя, но ранила его критика. Она написала письмо, в котором признавала, что обижена, и пыталась завоевать расположение Холмса. Несмотря на их разногласия, писала Энн, она так многому у него училась; он учил ее «с неизменным терпением и доброй улыбкой»¹⁰⁷. Как же мог он отвернуться от нее теперь? Но отправлять письмо Секстон не стала. Ей не хватило мужества напрямую бросить вызов такому влиятельному человеку.

Вместо письма Энн отправила Холмсу стихотворение. Она назвала его «Джону, который просит меня не углубляться в тему». Секстон хотела показать Холмсу, какую ценность видит в опыте безумия и почему полагает, что это подходящий для поэзии предмет. Лирическая героиня начинает стихотворение с утверждения о том, что видит «нечто стоящее»¹⁰⁸ в анализе своего внутреннего мира. Затем героиня описывает свой ум, выстраивая цепочку метафор: сначала дневник, затем лечебница и, наконец, самое загадочное – «стекло, перевернутая чаша», что-то, что она может изучать. Именно через самопознание героиня учится понимать других. Хотя ее жизнь когда-то казалась ей чем-то «личным», к концу стихотворения она понимает, что, делясь личным опытом, она налаживает межличностные связи. «И тогда оно стало чем-то вне меня», – рассуждает она, представляя, как ее внутренний мир перевоплощается в дом ее читателя или его кухню – личное, домашнее пространство. Лицо, которое она видит в зеркале, вполне может быть лицом ее читателя: «мое лицо, твое лицо». Стихотворение защищает исповедальную поэзию, показывая, как легко личное становится публичным.

Это стихотворение было оливковой ветвью, но Холмс не принял дара. Он считал, что поэзия должна быть формой самоопределения. Как и Джон, к которому обращено стихотворение, он предпочел «отвернуться» от надтреснутой, неловкой красоты исповедальной поэзии. Секстон хотела учиться у Холмса, но, по большому счету, ей не было интересно выходить за пределы своего «я»; в конце концов, ведь это именно оно было предметом ее поэзии. Холмс и Секстон никогда не разделяли взглядов друг друга.

Секстон решила опубликовать свою книгу без одобрения Холмса. Книга «В сумасшедший дом и на полпути назад» была издана *Houghton Mifflin* в апреле 1960 года. Книга Энн заслужила положительную оценку *The New York Times*: «Миссис Секстон пишет стремительно и ловко. Без надуманных метафор и вычурных сравнений. Она – мастер простого повествования... Паузы, акценты и рифмы так искусно переплетены, что абсолютно не ощущаешь напряжения»¹⁰⁹. Секстон осталась довольна рецензией и решила, что этот текст повлияет на впечатление Холмса о ее творчестве. Энн сказала своему психотерапевту: Холмс действительно «изменил мнение по поводу моей „сумасшедшей“ поэзии... он ошибался»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Кумин М. Письмо Д. Холмсу от 6 августа 1961 года. Личный фонд Кумин. Beinecke Library.

¹⁰⁷ Письмо, которое, вероятно, адресовано Холмсу, перепечатано в: *Salvio P. Anne Sexton: Teacher of Weird Abundance*. Albany, 2007. P. 67.

¹⁰⁸ *Sexton A. For John, Who Begs Me Not to Enquire Further // The Complete Poems*. Boston, 1981. P. 34.

¹⁰⁹ *Lask T. Books of the Times // The New York Times*. 1960, July 18.

¹¹⁰ *Middlebrook D. Op. cit.* P. 125.

Но, как оказалось, ошиблась как раз Секстон: Холмс остался тверд в своих убеждениях. Летом 1961-го, примерно через год после публикации хвалебного отзыва в *Times*, Холмс попытался исключить Секстон из их неформальной мастерской. А действовать он решил через лучшую подругу Энн.

Кумин признавала авторитет Холмса, ведь он положительно отзывался о ее творчестве и помог ей получить первую преподавательскую должность. Возможно, Джон думал, что Максин повлияет на Энн в том, в чем не смог повлиять он, а может быть, Холмс хотел посеять вражду между подругами, чтобы Секстон, как более уязвимая, почувствовала, что ее общество уже не столь желанно. Так или иначе, Холмс написал Кумин письмо, в котором рассказал о своем недовольстве. Мысли о Секстон «беспрестанно роятся в моем сознании в промежутках между нашими мастерскими, – писал Джон. – Я не вынесу еще один вечер в ее присутствии. Она насквозь эгоистичная, хищная, злобная, и я ни капельки не жалею ее, напротив, она мне уже до чертиков надоела»¹¹¹ (невольно задаешься вопросом, какое слово Холмс на самом деле хотел бы вписать вместо «надоела»). «Я думаю, что она – отравы не только для вас, – продолжает Холмс, – но и для всех остальных». Джон знал, что Максин и Энн были близки, и утверждал, что ему неловко делиться такими мыслями с Кумин, хотя до этого он уже несколько раз изливал ей свое недовольство. И Холмс был непреклонен в своем убеждении о том, что Секстон оказывает на всех дурное влияние. По его словам, другие разделяли его мнение. Джон также «возмущался ее зависимостью» от Кумин. Вот как он это объяснял: «Я думаю, ее общество пагубно на вас сказалось. Честно говоря, будь я Виком, я бы сделал все возможное, чтобы убедить вас с ней распрощаться. Хотел бы я знать, что он думает на этот счет».

Патерналистское письмо Холмса стало для Кумин проверкой на преданность. Она столкнулась с необходимостью принять решение, которое могло изменить ход ее перспективной поэтической карьеры. Выполнить просьбу уважаемого педагога, человека, устроившего ее преподавательскую карьеру, включившего ее стихи в экзаменационную программу своих студентов-бакалавров, человеку, в письмах называвшего ее «дорогая», писавшего, что видит между ними глубокое родство? Или поддержать подругу – женщину, которая когда-то пугала ее, которая многого от нее требовала, но и так много давала взамен?

«Крестный отец моей академической карьеры велел мне держаться от Энн подальше, говорил, что она плохо на меня влияет, – вспоминала Кумин позднее, – а ведь он был моим покровителем, он устроил меня в Тафтс»¹¹². Разлад с Холмсом мог иметь катастрофические последствия. Кумин обдумывала вежливое требование Джона несколько дней; он не получил ответа к выходным и написал еще одно письмо, в котором, извинившись, снова просил Максин порвать отношения с Секстон¹¹³.

Наконец, Кумин ответила Холмсу. Максин писала, что чувствует себя будто между молотом и наковальней, словно она каким-то образом тоже вызвала «неодобрение и гнев»¹¹⁴ учителя. Холмс успокоил ее, сказав, что это не так, и не стал распускать семинар и исключать Секстон. Но он по-прежнему настаивал на том, что Энн нужно подтолкнуть в иное творческое русло, и возлагал эту ответственность на плечи Кумин. «Вы не должны позволять ей заниматься этим, – предупреждал он. – Это останется на вашей совести, вас будут терзать те самые легендарные и страшные угрызения, если вы не сделаете то, что сделать необходимо».

Перед Кумин встал выбор, решение могло повлиять на перспективы ее карьеры и жизнь ее подруги. Она выбрала подругу.

¹¹¹ Кумин М. Письмо Д. Холмсу от 6 августа 1961 года. Личный фонд Кумин. Beinecke Library.

¹¹² A Nurturing Relationship. P. 122.

¹¹³ Холмс Д. Письмо М. Кумин от 13 августа 1961 года. Личный фонд Кумин. Beinecke Library.

¹¹⁴ Холмс Д. Письмо М. Кумин от 16 августа 1961 года. Личный фонд Кумин. Beinecke Library.

Следующие тринадцать лет, то есть всю оставшуюся жизнь Секстон, Кумин помогала ей писать те самые исповедальные стихи, которые так раздражали Холмса. Она висела на телефоне, пока Секстон на другом конце провода сочиняла строку за строкой. Она приглядывала за дочерями Секстон. Она заезжала к мужу Секстон, пока та была в Европе, и помогла подруге вернуться домой, когда поездка слишком ее измотала. Она была другом и доверенным лицом Секстон, ее соавтором и коллегой. Она дарила поддержку и любовь, которые Секстон глубоко ценила, делая все, что в ее силах, чтобы ответить взаимностью. Независимо от того, что двигало Кумин, трудно представить человека, который сильнее поддерживал бы своего друга.

Глава 3

Писатель. Человек. Женщина

В каком-то смысле, бостонским писательницам повезло. Провинциальный по сравнению с Нью-Йорком и Парижем, Бостон 1950-х все еще претендовал на роль культурного центра. Город мог похвастаться первоклассными художественными школами и университетами и широким кругом образованных элит – людей, которые покупали книги и посещали поэтические чтения, проходящие в просторных залах. Женщины-единомышленницы приезжали в город, и небольшие компании друзей складывались на несколько месяцев. Конечно, Бостон был холодным и неприветливым: женщины вроде Плат, Секстон и Кумин часто оказывались в заполненных мужчинами аудиториях, где им – взвинченным и нетерпеливым – охотно напоминали о недостижимости величия. Тем не менее, здесь молодые поэтессы своими глазами видели многих все-таки добившихся величия, и это способствовало их скоротечной, хрупкой дружбе.

В других городах было тяжелее. Вдали от Восточного побережья писатели, и особенно писательницы, были еще более одиноки и разобщены. Они отчаянно пытались добиться успеха, но в то же время понятия не имели, как это сделать. В отличие от Секстон и ей подобных, эти писатели не принадлежали ни к каким сообществам и не имели доступа ни в какие учреждения. Вместо этого им приходилось работать, чтобы выжить, а после находить время на творчество, которое дает волю к жизни. Они писали дома, пока дети спят; их черновики желтели в ящиках столов. Вместо того, чтобы читать стихи другим поэтам в мастерских, они перечитывали собственные слова в тишине.

А значит, познакомиться с единомышленницами женщины могли только благодаря силе письменного слова. Писательницы читали произведения друг друга, а когда им хватало смелости, то сами писали тем, кем восхищались. Так изолированные женщины завязывали, казалось бы, невозможные в их ситуации знакомства и начинали строить пока еще зыбкие планы на будущее.

В ноябре 1960-го, примерно через год после того, как Секстон закончила работу над «Двойным портретом», она получила долгожданную бандероль. В литературной антологии *New World Writing* под редакцией Стюарта Ричардсона и Корлиса М. Смита напечатали первое художественное произведение Энн: историю матери и дочери, еще одну попытку сразиться с тенью Мэри Грей. Рассказ «Танцуя джигу» написан от лица гостьи на провинциальной вечеринке. Женщина борется с собственными неистовыми импульсами: ей хочется вскочить и танцевать, хочется ускорить время, а не ждать, пока разразится конфликт и все погрузится в хаос. Подобно лежащей на кушетке психоаналитика пациентке, рассказчица вспоминает сцену, произошедшую в детстве за обеденным столом, сцену, которая, как она подозревает, спровоцировала ее нынешнее состояние. В воспоминании еще не достигшая подросткового возраста героиня взаимодействует с пьяным отцом, неприязненными сестрами и требовательной теткой – в образах легко читаются аватары членов семьи Секстон. Но центральное место в повествовании занимает фигура матери. Мать удерживает внимание дочери, направляя на нее непрерывный поток критики. Подкованная в искусстве самоанализа рассказчица видит связь своей детской тревоги и нынешнего беспокойства; женщина понимает, что ожидает катастрофы, и поэтому сама ее провоцирует. «Танцуя джигу» – один из любимых рассказов Секстон, выражающих ее уязвимость перед матерью, воплотивший психоаналитическую сессию в прозе.

Энн была очень довольна свеженаписанным текстом, – она полагала, что ей удалось выразить тонкий психологический инсайт – но сейчас, увидев рассказ среди работ более опытных писателей, Секстон была обескуражена. Другие авторы действовали более продуманно, были

критичнее к себе. «В прозе нет границ»¹¹⁵, – заметила Энн однажды, намекая, что поэтическая форма сдерживает переполняющие ее чувства. В прозе, как и в жизни, Секстон была ничем не ограничена и потому менее изящна, чем хотелось бы ей самой.

В антологию было включено произведение, в котором Секстон увидела идеальный портрет матери со сложным характером, – рассказ «Загадай мне загадку» Тилли Олсен, написанный от лица старой женщины, доживающей свои последние месяцы. Ева замужем вот уже сорок семь лет, она стремится найти уединение даже в браке. Ее муж Дэвид хочет переехать в пансионат для пожилых, но Ева отказывается: она наслаждается доступным только старикам уединением. «Умиротворение снизошло от того, что опустевший дом мне уже не враг – ведь больше не нужно наводить порядок, – размышляет она. – Не то что прежде, когда семья и вся жизнь в доме источали враждебность: они оставляли грязные следы и пятна, мусорили, пачкали, вовлекая ее в нескончаемую битву за чистоту, в которой она терпела неизменное поражение»¹¹⁶. И Ева клянется, что никогда больше не «согласится плясать под чью-то дудку». Когда Еве диагностируют четвертую стадию рака, они с мужем едут в путешествие, чтобы повидаться со всеми своими детьми и внуками. Дэвид все-таки продает их дом, и они поселяются в Лос-Анджелесе. Муж Евы и ее внучка Джинни заботятся об умирающей, которая поет песни своего русского детства и делится воспоминаниями. Как понимает читатель, в конце истории дух Евы покидает этот мир, и Джинни умоляет охваченного горем Дэвида вернуться на смертное ложе жены и «помочь ее бедному телу умереть»¹¹⁷. Эта новелла – виртуозное соединение разговорной речи («Затем, что привыкшая»¹¹⁸, – говорит Ева, объясняя, почему не хочет уходить из дома) – и модернистского стиля. Олсен создала трогательный портрет пожилой пары, переплетая аллюзии, внутренние монологи и живые диалоги. В основу рассказа легли образы родителей автора, и в особенности ее матери Иды, которая умерла от рака в 1956-м.

Рассказ «Загадай мне загадку» задел Энн за живое. Как писательницу Секстон восхитило присущее Олсен мастерство образа: слабость делает Еву «невесомой, словно птица, – трепещущее тело, тонкие когтистые пальцы и крючковатый нос»¹¹⁹. А как женщину и дочь Энн тронула изысканность передачи той многообразной, непростой любви, которую члены семьи испытывают к женщинам со сложным характером. Восхищаясь Олсен и немного завидуя ее мастерству, позже Секстон написала Нолану Миллеру: «Я прочитала рассказ Тилли Олсен и заплакала, и мне было стыдно за то, что мой рассказ напечатали... Она гениальна»¹²⁰. Секстон решила, что больше не будет писать прозу, пока не найдет другого писателя, который научит ее этому.

Примечательно, что неуверенность Секстон не мешала ей осыпать похвалой тех, кому она завидовала. Энн решила написать автору рассказа; она совсем не знала Олсен, но ей казалось, что прочитанные произведения сроднили их. Писать письма знаменитостям было ей не в новинку: будучи заядлой любительницей подобной корреспонденции, Секстон, не колеблясь, писала авторам, которыми восхищалась¹²¹. Часто эти писатели были мужчинами: Энн регулярно писала Снодграссу, Лоуэллу и поэту Энтони Хекту. В такой переписке Секстон вела себя словно на вечеринке: обольщала и очаровывала, создавая образ одновременно привлекательной и уязвимой женщины.

¹¹⁵ *Middlebrook D.* Op. cit. P. 146.

¹¹⁶ *Olsen T.* Tell Me a Riddle // Tell Me a Riddle, Requa I, and Other Works. Lincoln, 2013. P. 60–61.

¹¹⁷ *Ibid.* P. 98.

¹¹⁸ *Olsen T.* Tell Me a Riddle. P. 58.

¹¹⁹ *Ibid.* P. 92.

¹²⁰ *Sexton A.* A Self-Portrait in Letters / Ed. L. Ames, L. Gray Sexton. Boston, 2004. P. 116.

¹²¹ Секстон Э. Письмо Т. Олсен от 1 марта 1964 года. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

Но с Олсен – незнакомой женщиной, с которой у них не было общих связей, – Энн избрала другой тон. «Я пишу эти строки со слезами на глазах: не могу передать словами, как меня тронул ваш рассказ»¹²², – так начиналось письмо Секстон. Она восхищалась безупречным рассказом Олсен, написанным «в гуманистическом ключе», а затем признавалась, что ее рассказ напечатали в той же антологии. Энн честно писала о том, что испытала стыд, сравнив свой текст с произведением Олсен. Секстон объясняла, что совсем недавно начала писать прозу, и в сборнике был опубликован ее дебютный рассказ, но зато у нее есть неплохие стихи. Со свойственным ей желанием доказать собственную значимость Энн сообщала: о своем таланте она упоминает только для того, чтобы показать, что ее оценка чего-то да стоит. А рассказ Олсен Секстон оценила очень высоко: она считала, что его будут читать и перечитывать еще долгие годы (Энн всю жизнь восхищалась этим рассказом; много лет спустя она одиноко сидела на своем красном стуле и, рыдая, перечитывала «Загадай мне загадку»).

Письмо нашло адресата на Лэйдли-стрит в районе Мишен-Дистрикт (Сан-Франциско) – месте, далеко от Бостона как географически, так и духовно. Мишен был районом рабочего класса, заселенным, как однажды написала Олсен, «множеством семей латиноамериканцев, негров, самоанцев, ирландцев и итальянцев первого поколения»¹²³. Олсен обожала свой район. В его центре располагалась красивая церковь из самана – самое старое здание в городе, а парк Долорес раскинулся по всей западной границе территории. Во время автобусных поездок и прогулок с детьми Олсен урывками слышала разговоры на разных диалектах. Не отрываясь от рутинных дел, она записывала интересные фразы на листочках бумаги, комкала их и рассовывала по карманам брюк.

Сама Олсен отличалась от Секстон не меньше, чем богемный Сан-Франциско от консервативного пригорода Бостона. Секстон была гламурной женщиной с подобранными в тон макияжа украшениями. Олсен носила немнущиеся брюки и работала с восемнадцати лет. У Секстон были подработки только в первые годы брака, а потом, если они с Кайо нуждались в деньгах, им помогала Мэри Грей. Энн родилась в обеспеченной семье, не любила выходить из дома и всю жизнь провела в Бостоне и его окрестностях, а Олсен была американкой в первом поколении, принадлежала к рабочему классу, много переезжала и занималась агитацией.

А еще Тилли, как и Энн, была писательницей, хотя большую часть жизни писательский труд приносил ей одни расстройства. Олсен получила письмо Секстон как раз, когда только что вернулась к писательству после двадцатилетнего перерыва. В 1930-х она была своего рода литературной знаменитостью. В те годы миловидную и деятельную общественницу Олсен сравнивали с марксистским теоретиком и активисткой Розой Люксембург. За любовь Тилли боролись двое: Эйб Голдфарб, от которого она родила первую дочь (названную Карла в честь Карла Маркса), и Джек Олсен, который впоследствии стал мужем Тилли; у них родилось еще три девочки. На право напечатать первый рассказ Олсен претендовали два издательства – *Random House* и *Macmillan*. Тилли приятельствовала с литературными деятелями, которые придерживались левых взглядов: Джеком Конроем, Нельсоном Олгреном, Уильямом Сарояном и Санорой Бабб. Несколько лет Олсен, цитируя местную сан-францисскую газету, была «самым востребованным писателем Америки»¹²⁴.

Но к 1960-м Тилли казалось, что все это произошло с кем-то другим. 1940-е и 1950-е прошли для Олсен за воспитанием детей, помощью местным общественным организациям и ежедневной работой на благо семьи. Тилли писала в любую свободную минуту – в автобусе по дороге домой с работы, ночью, пока дети спали, – но ей не удавалось закончить свои произве-

¹²² Секстон Э. Письмо Т. Олсен от 5 апреля 1960 года. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹²³ Олсен Т. Письмо Э. Секстон от 26 января [предположительно 1961 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹²⁴ Reid P. Tillie Olsen: One Woman, Many Riddles, 2010. P. 88.

дения. Только в последние пять лет у нее получилось написать и опубликовать несколько рассказов. К моменту публикации «Загадай мне загадку» Олсен, которой было уже под пятьдесят, денно и нощно работала за мизерную зарплату. Она боялась, что упустила шанс стать великой пролетарской писательницей, что придется навсегда распрощаться с этой мечтой.

Всю свою сознательную жизнь Олсен хотела стать писательницей. Рожденная в 1912 году в Омахе (штат Небраска), Тилли Лернер была своего рода органической интеллектуалкой. В ее детской комнате на столе стоял портрет Вирджинии Вулф; свои юношеские тексты Тилли писала по образу и подобию произведений Вулф и Гертруды Стайн. Читала Джона Дос Пассоса и Уиллу Кэсер. В старшей школе Тилли писала колонку для школьной газеты под названием *Squeaks*, в ней юная Лернер высмеивала учителей и обязательность Шекспира в программе.

Тилли живо интересовалась не только литературой, но и политикой. Родители девушки были русскими евреями: они не скрывали своих социалистических взглядов – ее отец Сэм Лернер восхищался Юджином Дебсом, – но с недоверием относились к коммунистам. Однако в 1930-м коммунистическая партия была очень популярна у молодых, идеалистичных американцев, которые верили, что социальный порядок возможно радикально преобразовать. Организаторы коммунистической партии собирались по всей стране. В крупных городах открылись клубы Джона Рида – организации, объединявшие марксистских художников и интеллектуалов. Города большие и маленькие наполнились членами Коммунистического союза молодежи, которые отказывались от буржуазных представлений о сексуальной благопристойности, вдохновляясь романтическими революционными идеями. Тилли вступила в классовую борьбу: она бросила учебу и вместе с другими частично безработными, которых было много в 20-е и 30-е, путешествовала по стране, перебираясь из вагона в вагон и организуя рабочих.

В конце концов Тилли и Эйб, с которым она познакомилась, когда ей было восемнадцать, отправились на запад и поселились в Стоктоне, в Калифорнийской долине. Тилли нашла способ объединить свои литературные и политические интересы и стала писать для издания Коммунистической партии *The Daily Worker* и нового журнала *Partisan Review*, который публиковал нью-йоркский клуб Джона Рида. В 1934 году *Partisan Review* принял половину первой главы ее будущего романа о жизни на угольных шахтах Вайоминга.

Редактор журнала Филипп Рахв стремился дать голосу пролетариата возможность зазвучать в полную мощь; он сразу же принял фрагмент текста Тилли и назвал его «Железное горло». Опубликованное в том же году произведение оказалось действительно незаурядным. В нем метод потока сознания в духе Вулф и Джеймса Джойса сросся со столь важным для «левых» 1930-х соцреализмом.

Тилли стремилась жить теми же политическими идеалами, которые продвигала в своих произведениях. В 1934 году Тилли и Эйб переехали в Сан-Франциско, чтобы поддержать забастовку местных портовых грузчиков. Во время забастовки Тилли встретила профсоюзного лидера по имени Джек Олсен. Он был сильным, красивым, энергичным и свободно ораторствовал на митингах. Джек и Тилли вместе взялись за множество проектов – распространение листовок, организаторская работа, регистрация голосующих (в последние годы жизни Джек подружился со всеми работниками секс-индустрии в своем районе Сан-Франциско; он зарегистрировал каждого в качестве избирателя и обговорил с ними все вопросы, касающиеся заполнения бюллетеней)¹²⁵. Тилли ночевала в штаб-квартире коммунистической партии в центре Сан-Франциско. Она хотела быть ближе к очагу событий – и к Джеку. Олсен отвечал Тилли взаимностью, хотя пара и не оформляла отношений до 1936 года, когда девушка рассталась с Эйбом. У Тилли и Джека родились три дочери: Джули в 1938-м, Кэти в 1943-м и Лори в 1947-

¹²⁵ Интервью Джули Эдвард Олсен автору. 30 января 2016 года.

м. По словам биографа Олсен Пантеи Рид, коллеги Джека подтрунивали над тем, что у него «одни девчонки»¹²⁶¹²⁷.

В 1930-х годах, занимаясь организаторской деятельностью, Олсен, к собственной радости, обнаружила, что ее литературная репутация растет. *The New Republic* дал «Железному горлу» высокую оценку, назвав Тилли «юным дарованием»¹²⁸. Издатели, желая показать женский взгляд на Америку времен Депрессии, осаждали Рахву, пытаясь выбить контакты Олсен. Беннетт Серф из *Random House* и известный писатель и редактор Малкольм Коули, работавший тогда в *The New Republic*, вышли с ней на связь и попросили показать им остальные тексты; интерес проявляли и другие редакторы. Олсен воодушевила эти предложения, но в тот момент у нее были связаны руки: она сидела в тюрьме за участие в забастовке. Адвокат организовал переписку Тилли с редакторами и издателями. А после того, как журналист-расследователь Линкольн Стеффенс помог Олсен внести залог в 1000 долларов и выйти из тюрьмы, ее первоочередной задачей стало завершение репортажа о многочисленных летних забастовках. Репортаж под названием «Забастовка» – заглавная статья летнего номера *Partisan Review* 1934 года – начинался так:

Не просите меня описывать ту забастовку, тот ужас. Я на поле боя: зловоние усиливается, дым разъедает глаза, так что обратить взгляд в прошлое становится непосильной задачей. Мне остается только эта ночь, мне нужно сбросить окровавленные одежды сегодняшнего дня, чтобы пробиться сквозь обрушившуюся лавину событий, пробиться к самому началу. Если бы я только могла ненадолго отойти от дел, если бы у меня было время и хотя бы глоток тишины, то, может быть, я смогла бы это сделать... Я смогла бы прокрасться в прошлое и стала бы медленно, старательно воздвигать эту исполинскую, великолепную машину, так, чтобы красота и героизм, ужас и знаковость тех дней пронзили бы ваши сердца, оставив в них неизгладимый след¹²⁹.

Олсен рассказывала не только о «героизме, ужасе и важной роли» портовых грузчиков, но и о собственном ужасе. Этот репортаж повествовал и о ее личной писательской борьбе, и о правах рабочих. В нем говорилось о ценности времени и тишины для работающего писателя – ресурсах, к которым у Тилли не будет доступа еще многие и многие годы.

К 1961 году бурные дни аукционных войн и литературных вечеринок для Олсен остались далеко в прошлом. Оптимизм Народного фронта и коалиции левых и либералов, объединившихся для борьбы с фашизмом, уступили место маккартистской паранойе. В 1950-х Олсены все время были на волоске от банкротства, на грани нищеты. Джек учился на типографа, а Тилли брала поденную работу и время от времени занимала деньги. Вместо того чтобы писать, Олсен работала общественницей, машинисткой, секретарем. «Она трудилась; как и у отца, у нее была работа, – вспоминала Джули, вторая дочь Олсен. – Но никакой карьерой там и не пахло»¹³⁰. В основном Олсен работала не для самореализации, а просто чтобы выжить. И ценностям Тилли соответствовала лишь малая часть ее работы – например, политическая организация. Писательница отгородила своих дочерей от худшего в антикоммунизме и конформизме; она откладывала деньги, чтобы на дни рождения дарить им как можно больше книг. Тилли с

¹²⁶ Reid P. Op. cit. P. 174.

¹²⁷ Детали ранних лет жизни Олсен взяты из разных источников: биография Рид, интервью с дочерьми Тилли Джули и Кэти, мои собственные впечатления от прочтения различных архивных материалов 1930-х и репортажи самой Олсен за этот период.

¹²⁸ Cantwell R. Literary Life in California // New Republic. 1934, August 22.

¹²⁹ Lerner T. The Strike // Partisan Review. 1934. Vol. 1. № 4. P. 3–9.

¹³⁰ Интервью Джули Эдвард Олсен автору. 30 января 2016 года.

юмором и достоинством переносила внезапные проверки агентов ФБР, которые хранили досье на семью Олсен до 1970 года¹³¹.

Тем не менее Олсен мучила неудовлетворенность. У нее было множество идей для историй, в том числе и о ее старшей дочери Карле, и так мало времени, чтобы писать. Джек все еще получал стажерскую зарплату, и это вынуждало Тилли заниматься макетированием рекламы и проявлять недюжинную смекалку, чтобы содержать семью из шести человек при жестко ограниченном бюджете. Она любила своих дочерей – в 1954 году им было двадцать два, шестнадцать, одиннадцать и семь, – но пробыла матерью уже слишком долго, и ей это изрядно опостылело.

Олсен раз за разом изливала свою неудовлетворенность в дневниковых записях тех лет. У Тилли под рукой редко оказывалась тетрадь; ее мысли дошли до нас в виде отрывочных, не датированных предложений, напечатанных на черновой бумаге. «Ни минуты, чтобы присесть и подумать¹³², – гласит одна из таких записей. – Это конец творчества... меня уничтожают. Я даже не знаю, не разучилась ли писать... Жизнь (работа, которая отнимает так много меня, семья, которая отнимает так много меня) действует как анестезия¹³³. Я так устала физически. Ночами я сплю крепко, без сновидений». А вот пронзительный отрывок, в котором Олсен пишет о том, как остро ей не хватает личного времени и пространства:

Влекомая самой примитивной силой – силой денег – все невозвратнее, все дальше и дальше от писательства... Ночью чувствую неистовое желание, животный импульс оттолкнуть Джули от пишущей машинки, голоса зовущих меня детей – как я хочу просто отсечь их, словно руки, хватающие спасательную шлюпку... Моя борьба – попытки увязать работу и жизнь... Все это время я терзаюсь перегружена перенести отсрочить и все равно накатывает это безумное желание, как сексуальное возбуждение... чувствую: творчество заперто во мне, рвется наружу... 1953–1954: я все еще разрываюсь между сотней дел, все еще мечусь. Бьюсь, словно запертая плотиной река, жаждущая обрести свое великое русло¹³⁴.

То, о чем рассказывает Олсен, так похоже на ухищрения Кумин, о которых она писала своей матери. Это ее, словами Секстон, способ двигаться, как тигр в клетке. Но, в отличие от Кумин и Секстон, Олсен писала эти строки, когда, помимо прочих обязанностей, была вынуждена работать. Кумин тоже работала, но она никогда не сталкивалась с таким экономическим давлением, как Олсен. Тилли разрывалась между огромным количеством дел, которое ни Энн, ни Максин не могли себе даже представить.

За многие годы Олсен ни разу не смогла выкроить достаточно времени и пространства, чтобы работать так, как любила: медленно, скрупулезно, внося в текст многочисленные правки. Но в 1954 году благодаря неожиданному стечению обстоятельств у Тилли наконец появилось желанное свободное время: она попала в больницу с язвенным колитом и получила шесть недель оплачиваемого государственной страховкой отпуска по нетрудоспособности; все это время она провела за письмом. Олсен называла свой отпуск «стипендией доктора Раймунди»¹³⁵. Тилли дописала историю, над которой работала уже почти год, – драматический монолог трудящейся женщины, «молодой матери... растерянной матери»¹³⁶, которая пытается

¹³¹ Reid P. Op. cit. P. 250.

¹³² Листок бумаги без даты (возможно, дневниковая запись). Архив Т. Олсен. Special Collections & University Archives, Stanford University.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Reid P. Op. cit. P. 190.

¹³⁵ Reid P. Op. cit. P. 191.

¹³⁶ Olsen T. I Stand Here Ironing // Requiem I, and Other Works. Lincoln, 2013. P. 5–14.

заботиться о своих детях, одновременно работая на нескольких работах. Безымянная рассказчица винит себя в том, что не может обеспечить детям «легкий старт». Ее размышления о прошлом прерываются повседневной текучкой: нужно закончить глажку, нужно убрать за кричащим ребенком. История заканчивается подобием светской молитвы, призывом к кому-то – возможно, к учителю, к которому обращен монолог, а может быть, к читателю, который стал свидетелем этой личной драмы, – помочь старшей дочери героини поверить в то, что она «не просто мятое платье на гладильной доске, беспомощно раскинувшееся перед утюгом».

Когда Олсен закончила рассказ под названием «Помогите ей поверить», она отправила его копию Артуру Фофу – преподавателю своей старшей дочери Карлы по писательскому мастерству – в Сан-Франциско. Тилли также описала ему некоторые из тех трудностей, с которыми сталкивалась, стремясь достичь баланса между писательством и материнством. Например, она недавно возила Кэти, которая тогда училась в младшей школе, в клинику, где у девочки диагностировали серьезную отоларингологическую инфекцию, а затем несколько недель ухаживала за дочерью, пока та выздоравливала¹³⁷. В этот раз Фоф, который видел предыдущую версию «Помогите ей поверить» и уже согласился, чтобы Олсен ходила к нему вольнослушательницей, убедил Тилли подать документы на настоящую стипендию, чтобы Олсен получила возможность отдохнуть от работы и семейных обязанностей. Тилли отправила рассказ и рекомендательное письмо Фофа на адрес Стэнфордской программы писательского мастерства. Через несколько недель, в апреле 1955 года, раздался телефонный звонок. Тилли взяла трубку и услышала незнакомый мужской голос. Это был выдающийся романист Уоллес Стегнер, бывший учитель Кумин: он ушел из Гарварда и основал ту самую Стэнфордскую программу. Стегнер предлагал Тилли одну из трех стипендий Джонса (позднее переименованную в стипендию Стегнера) на предстоящий учебный год. Олсен лишилась дара речи.

С осени 1955-го и до конца весны 1956-го Тилли дважды в неделю ездила в Пало-Альто на автобусе. Просторный, роскошный, построенный в стиле испанского ранчо и обсаженный по периметру пальмовыми деревьями стэнфордский кампус как небо от земли отличался от многолюдного и суматошного района Мишен-Дистрикт, где жила семья Олсен. В здание с красной крышей, где проходили занятия, вели окаймленные бугенвиллией и кактусами дорожки. Осеннюю часть курса читал романист Ричард Скоукрофт, а весеннюю – давнишний друг Тилли по переписке Малколм Коули, в то время уже работавший редактором *Viking*. В Стэнфорде Олсен поддерживала одногруппников и работала над историей о моряке, которому изменила удача. Тилли переживала, что будет самой старой студенткой и что окажется недостаточно хороша, но она вписалась в коллектив лучше, чем ожидала. Другие студенты слышали об успехе Олсен в 1930-х годах и восхищались ее творчеством. К концу весеннего семестра Тилли написала три новых рассказа¹³⁸.

Последний раз Олсен публиковалась еще до Второй мировой войны; и вдруг за год ей удалось напечатать три рассказа в трех разных журналах. Рассказ «Помогите ей поверить», который дал Тилли возможность вернуться к писательской карьере, появился сначала в *Stanford Short Stories*, а затем в *The Pacific Spectator*. История о межрасовых отношениях под названием «Крещение» была опубликована в *Prairie Schooner*. «Эй, моряк» напечатали в *New Campus Writing No. 2* Нолана Миллера. Сейчас рассказы Олсен принимали маленькие студенческие журналы, а не престижные издания, в которых она публиковалась в 1930-х годах, но тем не менее это был прогресс. Более того, у семьи наконец-то появились деньги на стиральную машину (до этого Тилли использовала устройство с рукояткой, которую нужно было поворачивать, чтобы прополоскать белье – очень трудоемкий процесс)¹³⁹. Олсен порхала как на крыльях.

¹³⁷ Reid P. Op. cit. P. 195.

¹³⁸ Ibid. P. 197–203.

¹³⁹ Интервью Джули Эдвард Олсен автору. 30 января 2016 года.

И все же, чтобы писать, ей было нужно больше времени. Обязанности по дому и работа сводили на нет время, которое Тилли могла бы тратить на творчество. За несколько лет до получения Стэнфордской стипендии и в стипендиальный период она взяла на себя дополнительные обязанности: Тилли поддерживала свекровь после смерти свекра и в течение нескольких месяцев принимала у себя нового друга Джули, которая в то время училась в старшей школе Мишен, – Т. Майка Уолкера, молодого человека из неблагополучной семьи. Олсен удалось почерпнуть вдохновение для своей работы в этих семейных обязанностях. Она делала заметки о дружбе Кэти с одноклассником-афроамериканцем и использовала их для написания рассказа «Крещение». Еще один гость, Уайти Глисон, послужил прототипом персонажа для рассказа «Эй, моряк».

Но найти время на то, чтобы собрать рассказ из всех этих записочек и черновиков, было практически невозможно. Казалось, облегчение, момент, когда Тилли сможет спокойно писать, не думая о брошенных домашних делах, никогда не наступит. «Прошлой ночью – буду честна, – я думала о другой жизни, я нуждаюсь в ней»¹⁴⁰, – писала Олсен в своем дневнике. Она составила список характеристик этой «другой жизни». На первом месте было «одинокчество».

Кроме того, всегда стоял вопрос о деньгах. В отличие от типичной (хотя и не везде) нуклеарной семьи середины века, Олсены не могли положиться только на доход мужа Тилли. И поэтому, когда Стэнфордская стипендия иссякла, Олсен вернулась к секретарской работе. Порой, когда в офисе никого не было, Тилли могла писать. Часто она возмущалась тем, как «деловой» и «юридический» язык отравляет ее прозу. Работа подавляла, а дома царил сумбур. Тилли выиграла еще один писательский грант, на этот раз от Фонда Форда, но у него, как и у Стэнфордской стипендии, была конечная дата. Наемный труд всегда маячил на горизонте.

Итак, когда весной 1961 года Секстон написала Олсен, женщины двигались в противоположных направлениях. Секстон была на подъеме. Она опубликовала свою первую книгу *Bedlam* и начала работу над следующим проектом. Часто Энн оставляла своих дочерей, которым на тот момент было восемь и шесть, у кого-нибудь на попечении. А Олсен, напротив, висела как альпинистка над пропастью: чтобы не упасть, ей требовались вся сила и концентрация без остатка. Хотя Тилли собиралась опубликовать книгу – сборник из четырех рассказов под названием «Загадай мне загадку» – в малотиражном издательстве *Lippincott*, она была гораздо менее оптимистична, чем Секстон. Тилли дольше прожила на этом свете. Теперь, седая в свои сорок девять, она все еще выглядела эффектно, но молодость уже ушла. Вот как Олсен сама описывала себя: «крупная... размер одежды XL; тяжелые, широкие мужские ботинки сорокового размера; загрубелые руки с короткими пальцами»¹⁴¹. Олсен уже много десятилетий жила с писательскими амбициями – у Секстон они появились всего несколько лет назад – и прекрасно знала, как легко завязнуть в работе и семейных делах и упустить время, необходимое, чтобы творить.

И хотя обе женщины стремились писать, они по-разному подходили к этому процессу. У Секстон была потрясающая трудовая дисциплина и талант пристраивать свои стихи в печать («Господи Иисусе! Да ты вообще везде публикуешься!»¹⁴² – однажды заметил ее наставник Снодграсс). Секстон могла отредактировать стихотворение шесть или семь раз, но в конце концов она отправляла его в печать, даже если не была полностью удовлетворена. Олсен работала медленнее. Она была перфекционисткой и редко позволяла кому-нибудь – будь то учитель, редактор или даже потенциальный агент – взглянуть на свой незаконченный текст. Просматривая корректуру будущего издания, она всегда вносила дополнительные правки. Более того,

¹⁴⁰ Записка без даты (вероятно, дневниковая запись). Архив Т. Олсен. Special Collections & University Archives, Stanford University.

¹⁴¹ *Olsen T.* Письмо Э. Секстон от 26 января [предположительно 1961 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹⁴² *Middlebrook D.* Op. cit. P. 94.

Тилли пересматривала материал, который уже был напечатан, делала заметки на авторских экземплярах, а иногда даже просила внести изменения уже после печати. Некоторые, включая Коули, считали перфекционизм Тилли дурной привычкой, с которой нужно бороться; другие, и Миллер среди них, вставали на сторону Олсен. «Полагаю, некоторые сочтут, что она слишком медленно творит, – написал Миллер однажды. – Все эти люди слишком нетерпеливы... они не делают различия между синтетическими алмазами и настоящими бриллиантами»¹⁴³. Тем не менее Олсен действительно упустила множество возможностей из-за того, что засиживалась над черновиками и отказывалась показывать свои незаконченные тексты. Перфекционизм Тилли мешал ей не меньше, чем многочисленные домашние и рабочие обязанности; и было неясно, спасет ли ситуацию избавление от всех этих дел. Скоукрофт как-то раз обвинил Олсен в том, что чем тяжелее условия, тем продуктивнее она работает¹⁴⁴.

Но несмотря на все эти различия Олсен разглядела то, что сближало их с Секстон. В своем ответе на письмо Энн Тилли назвала поэтессу «родственной душой» и выразила желание продолжить общение. Тилли также написала Секстон, что вырезала из своего экземпляра книги *Bedlam* ее фото и разместила над письменным столом, рядом с портретами Льва Толстого, Томаса Харди и Уолта Уитмена – «писателей, которые помогают»¹⁴⁵, как называла их Олсен. В одном из последующих писем она упрекнула Секстон в излишней самокритичности: «Ведь это твой *первый*, замечательный рассказ, и им следует гордиться, а не ругать себя»¹⁴⁶. Олсен была щедра на похвалу, и ее скромность выдавала внутреннюю неуверенность. Она предложила Секстон продолжить разговор, и Энн ответила практически сразу же: так завязалась их живая переписка.

Эти письма поражают чуткостью и прямотой: обе женщины открыто делились своими страхами и ошибками, обе подчеркивали присущие адресатке таланты. Пожалуй, в 1961 году Секстон была более известна, чем Олсен, но ей не хватало спокойной уверенности Тилли. «Как писательница я завидую твоему таланту, – как-то раз написала ей Энн, – но как человек и женщина я очень за тебя рада»¹⁴⁷. Секстон не хотела соперничать с Олсен, и потому им удалось построить теснейшую дружескую связь. Каждая из женщин обладала чем-то недоступным другой. У Олсен была ее обретенная за годы писательства и работы, выстраданная потом и кровью мудрость. В письмах она поддерживала Секстон, рекомендовала ей книги для чтения и, описывая свои трудности, открывала Энн другую жизнь. А Секстон, в свою очередь, открыла Олсен то, что было ей так остро необходимо: доступ к литературному сообществу Восточного побережья.

Порой Тилли рассказывала, как сложно найти время, чтобы писать, учитывая все обязанности и необходимость работать вне дома. В письме, датированном маем 1961, незадолго до публикации «Загадай мне загадку», Олсен описывала, как ей приходится «отказываться от писательства (чтобы работать и зарабатывать деньги)»¹⁴⁸. Секстон, понимая, что находится в привилегированном положении, ответила сочувственным письмом. Она пыталась придумать, как извлечь пользу из ситуации Олсен, и говорила, что, возможно, трудности и работа могут

¹⁴³ Миллер Н. Рекомендательное письмо к заявке Тилли Олсен. 10 января 1962 года. Архив Рэдклиффского института.

¹⁴⁴ Скоукрофт Д. Рекомендательное письмо к заявке Тилли Олсен. 12 января 1962 года. Архив Рэдклиффского института.

¹⁴⁵ Олсен Т. Письмо Э. Секстон. Без даты [предположительно 1960 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹⁴⁶ Олсен Т. Письмо Э. Секстон от 26 января [предположительно 1961 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹⁴⁷ Секстон Э. Письмо Т. Олсен. Без даты [1961 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹⁴⁸ Олсен Т. Письмо Э. Секстон от 20 мая [предположительно 1961 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

нести вдохновение. Но Энн осознавала наивность такой позиции: «Нужно так много времени, чтобы складывать истории, а если времени нет... как же писать?»¹⁴⁹

Сама того не понимая, Секстон затронула одну из важнейших для Олсен проблем социальной справедливости. По мнению Тилли, одна из величайших трагедий социального и экономического неравенства заключалась в недоступности искусства для народа. Рабочие не могли себе позволить покупать книги или ходить в театр, и им не хватало времени, чтобы творить искусство самим (и очевидно, что зарплаты, которую они могли бы получить за работу в этой сфере, не хватило бы на содержание семьи). Множество историй так и остались нерассказанными. Тилли знала, что так быть не должно. В 1930-е годы перед взглядом Олсен мелькнул и затух другой мир – мир, в котором федеральное правительство во время экономического кризиса финансировало Управление общественных работ (WPA), поддерживая искусство: театр, музыку, драму, литературу, фотографию. Тилли мечтала о времени, когда у каждого будет доступ к искусству и культуре и шанс участвовать в их создании. Секстон ничего не знала об этой мечте; Энн страдала от *избытка* свободного времени, которое заполняли только ее мысли. Ей никогда не приходилось искать баланс между писательством и зарабатыванием на жизнь. Благодаря переписке женщины узнали, что и ад у каждого свой.

В Америке середины XX века дружба редко преодолевала классовые и политические барьеры, но отношения Секстон и Олсен стали исключением. В 1950-е годы, период расцвета антикоммунизма, активисты рабочего класса, и Олсен в том числе, не без причины жили в состоянии острой паранойи. Сенатор Джозеф Маккарти устроил настоящую охоту на ведьм, а Джон Эдгар Гувер создал картотеку всех радикально мыслящих граждан. О голливудской десятке – выдающихся сценаристах и режиссерах, которых подвергала гонениям Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности Конгресса США – говорили в национальных новостях. После Второй мировой войны треть американцев считала, что членов коммунистической партии нужно убивать или сажать в тюрьму; к 1950 году только 1 % американцев полагал, что коммунисты имеют право на свободу совести¹⁵⁰. 20 % американских рабочих были вынуждены пройти проверку на лояльность¹⁵¹. И все же, как бы сильно ни отличались их жизни, Секстон не отгородилась от Олсен. А Тилли, которая страшилась допросов и ареста, не побоялась открыться незнакомой женщине с другого конца страны, хотя ничего не знала об убеждениях адресатки. Решение продолжить переписку было не просто выражением симпатии, но актом доверия.

Сообщество женщин-писательниц создавалось медленно: письмо за письмом, стихотворение за стихотворением. Оно раскинулось от Области залива Сан-Франциско до пригородов Бостона и протянулось через Атлантический океан до Лондона, где Плат ждала новостей от Секстон и других американских друзей. Женщины сближались очень осторожно, боязливо, не изменяя этикету; они ждали друг от друга знаков и далеко не сразу делились личным. Они задействовали проверенную временем стратегию: заметив в комнате другую женщину прощупывали почву, прикидывая, кем она может стать – другом или врагом.

Женщина может быть союзницей – «жилеткой», чтобы поплакаться, дружеским ухом, – но может оказаться и предателем, внешне доброжелательным двойным агентом, который в нужный момент сыграет на твоей неуверенности. В литературных кругах, где женщины жестоко соревновались как с мужчинами, так и с другими женщинами, отношения строились медленно, годами. Требовались месяцы, чтобы дружба окрепла по-настоящему. Секстон и

¹⁴⁹ Секстон Э. Письмо Т. Олсен. Без даты. [предположительно 1961 год]. Личный фонд Э. Секстон. Harry Ransom Center. University of Texas at Austin.

¹⁵⁰ May E. T. Op. cit. P. 12.

¹⁵¹ Brown R. Loyalty and Security: Employment Tests in the United States. New Haven, 1958.

Кумин, равные как по статусу, так и по возрасту, закрепили дружбу лично, в то время как Секстон и Олсен, чтобы стать друзьями, пришлось преодолевать расстояние и различия. Со временем они многому друг у друга научились – какие книги читать и какие тексты писать, – но сначала им было нужно научиться доверию. В конце 1950-х это было нелегкой задачей, ведь в то время подозрения нагнетались. Писательница Джанет Малкольм называет эти годы эпохой «двуличия», когда все, и женщины в особенности, настолько привыкли лгать о своих желаниях и поступках, что обман стал неотъемлемой частью личности. «Мы были тревожным, трусливым поколением, – вспоминает Малкольм. – Мы лгали родителям, лгали друг другу, лгали сами себе. Мы пристрастились к обману»¹⁵². Чтобы поделиться тем, что по-настоящему гнетет, и раскрыть свою истинную сущность, приходилось пренебрегать всеми существующими правилами и привычками.

Секстон и Олсен открылись друг другу и стали верными друзьями. Но их по-прежнему разделяло непреодолимое расстояние – по крайней мере, на тот момент. В начале 1960-х годов другая женщина продвигала свой план собрать вместе женщин, которые, как она подозревала, были заперты по своим пригородным домам: образованные, творческие, интеллектуальные женщины, поставившие свою карьеру на паузу, чтобы заняться воспитанием детей. Этим женщинам она собиралась предложить не просто дружбу, а нечто большее – место, где они смогут собраться и говорить друг с другом во весь голос, высказывая идеи, которыми сейчас не с кем поделиться. Она решила, что это будет великий эксперимент. Интеллектуальное женское сообщество прогрессивных ученых, писательниц и художниц. Только представьте, каким дискуссиям это положит начало.

¹⁵² *Malcolm J. The Silent Woman: Sylvia Plath and Ted Hughes. New York, 1993. P. 41.*

Глава 4

Хлопотный эксперимент

20 ноября 1960 года Секстон читала воскресные газеты, где сообщалось о революционной программе – Рэдклиффском институте независимых исследований, месте для «интеллектуально сегрегированных женщин»¹⁵³. Как она поняла, речь шла о женщинах с высшим образованием, которые начинали работать как научные сотрудники и художники, но не смогли воплотить свои мечты. Как и многие выдающиеся женщины того времени, они всецело посвятили себя рождению и воспитанию нового поколения американцев, в то время как их исследовательские проекты пылились в долгих ящиках.

В статье описывалась типичная сегрегированная женщина: ей тридцать с небольшим, она училась в аспирантуре и получила перспективную стипендию, но не смогла продолжить свой научный труд. Другая версия: на этот раз женщина – живописец, она прошла обучение у лучших мастеров, но родила до того, как смогла организовать свою первую персональную выставку. Такие женщины, по словам репортера газеты *The New York Times*, «без стимула лишь с большим трудом могут вернуться к стабильной интеллектуальной и творческой деятельности, или же не возвращаются к ней никогда»¹⁵⁴. Секстон читала эти строки, испытывая чувство узнавания и благоговения. Ведь ей самой было около тридцати, и она обладала творческим потенциалом, но докторской степени и академических публикаций у нее не было. Неясно, подходит ли она под требования этой программы, да и подходит ли эта программа такой социалке, как она. Энн продолжила чтение.

Она узнала, что Рэдклиффский институт предлагает «группе одаренных, но не обязательно известных женщин»¹⁵⁵ поддержку, которая им так нужна. В сентябре 1961 года двадцать женщин, имеющих докторскую степень или ее «эквивалент» в творческой сфере, получают должности младших научных сотрудниц. Им выделяют рабочее место, доступ к огромным фондам Гарварда и ежегодную стипендию в размере 3000 долларов – этих денег недостаточно, чтобы уйти в свободное плавание, но, тем не менее это достойная сумма, которой хватит на то, чтобы покрыть текущие расходы стипендиатов. Программа открыта для всех женщин с высшим образованием, проживающих в Бостонской Агломерации, а не только для выпускниц Рэдклиффа. Чтобы выиграть одно из этих мест, необходимо было предоставить подтверждение прежних достижений и план будущей работы.

Секстон позвонила в Рэдклифф буквально в тот же день. Она хотела побольше узнать об этом необычном институте и выразить живой интерес к программе. И не она одна. С самого утра телефон в офисе президента Рэдклиффа неустанно звонил, так что пришлось нанять дополнительного сотрудника только для того, чтобы успевать отвечать на звонки. Многие звонившие, как и Секстон, были женщинами, которые запрашивали дополнительную информацию и узнавали, как подать заявку. Другие звонили просто чтобы выразить свою благодарность за идею и пожелать удачи. На фоне половины звонков слышался детский плач.

Дети Секстон уже прошли стадию истерик и памперсов: Линде было семь, а Джой – пять. Билли, свекровь Энн, часто ей помогала: она водила их на внеклассные занятия, готовила ужин, и по большей части выполняла материнские обязанности в те периоды, когда Секстон была к этому не способна. Как Линда писала в своих мемуарах 1994 года *Searching for Mercy Street*, «именно она [Билли] дарила свободу, которая позволила поэтессе делать то, что у нее так

¹⁵³ Hechinger F. M. Op. cit.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ibid.

хорошо получалось»¹⁵⁶. Но тем не менее Институт обладал для Секстон особым очарованием. Несмотря на то, что Энн опубликовала книгу стихов и влилась в поэтические круги Бостона, она все еще чувствовала себя аутсайдером в городе, где ценился академический авторитет. В отличие от Кумин, Секстон не сделала научной карьеры (у Максин была и бакалаврская, и магистерская степень Рэдклиффа); она вообще не окончила вуз. Конечно, Институт не присуждал степеней, но он все же имел связь с одним из лучших университетов страны. Так что если Энн примут в Редклиффский институт, это, в некотором смысле, будет означать, что ее приняла бостонская интеллектуальная элита.

13 января, когда и двух недель не прошло с официального открытия приема заявок на стипендию, Секстон уже составила первое письмо, в котором запрашивала бланк официального заявления. Сидя за обеденным столом, она напечатала текст, в котором выражала радость по поводу открытия Института и упомянула о намерении подать заявку. «Мой опыт уникален в своей неуместности», – писала Энн. Понимая, что такое самоуничижение делу не поможет, Секстон перепечатала текст, на этот раз выразившись более нейтрально. «Думаю, моя заявка будет одной из самых необычных, ведь у меня есть только среднее образование, но зато я уже сделала себе имя в сфере писательского мастерства», – объяснила Энн, в своей типичной манере обходя зыбкие моменты собственной биографии и показывая, что она в своем праве. Секстон обещала, что к официальному заявлению приложит заявку получше. А пока она хотела бы высказать мнение о роли Института в возобновлении интеллектуальной или творческой карьеры одаренной женщины. В пресс-релизе представители Института старались не давать опрометчивых обещаний; подразумевалось, что стипендиатки смогут возобновить работу только «на время». Секстон не соглашалась с этим утверждением. Для тридцатидвухлетней Энн Институт был олицетворением вневременного авторитета. Секстон казалось, что программа поможет ей побороть неуверенность и даст постоянный статус на конкурентной поэтической сцене. А Кайо, который до сих пор недоволен тем, что жена поглощена какой-то игрой слов, наконец поймет: ее карьера заслуживает уважения. Стипендия может сделать ее частью сообщества, может помочь пережить периоды одиночества без постоянной поддержки Кумин. Она может спасти ее брак; и, может быть, даже спасти ее жизнь.

План создания этого спасительного института зародился в весьма неожиданном месте: в национальном командном пункте, где в большинстве своем работали мужчины. 6 декабря 1957 года – в день неудавшегося запуска спутника с мыса Канаверал во Флориде, – Национальный научный фонд (NSF) собрал комитет по изучению государственных школ. Члены комитета приступили к анализу исследований американского образования: помимо способов привлечения финансирования их интересовали методы стимулирования студентов к изучению естественных наук и инженерно-строительного искусства. Впервые комитет собрался в январе 1958 года. На заседании царил тревожная атмосфера; как вспоминал позднее один из членов комитета, «Мы были до смерти перепуганы»¹⁵⁷.

В октябре прошлого года Советский Союз успешно запустил спутник, а Соединенные Штаты и весь западный мир боялись оказаться не у дел. В течение нескольких месяцев после запуска спутника – переломного события, которое даже сравнивали с нападением на Перл-Харбор, – было сформировано Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA). Поток федеральных денег хлынул в научные исследования и разработки (с 1957 по 1967 год федеральные расходы на НИОКР возросли более чем вдвое). В 1958 году Конгресс принял Закон об образовании в интересах национальной обороны. В законе утверждалось, что «безопасность нации требует наиболее полного развития умственных

¹⁵⁶ Gray Sexton L. Searching for Mercy Street: My Journey Back to My Mother, Anne Sexton. Boston, 1994. P. 36.

¹⁵⁷ Yaffe E. Op. cit. P. 59.

ресурсов и технических навыков молодежи»¹⁵⁸. Америке было необходимо как можно скорее вырастить больше ученых. Задача комитета NSF состояла в том, чтобы понять, как это сделать.

Единственной женщиной в комнате оказалась Мэри Инграхам Бантинг, которую друзья и домочадцы называли Полли. Эта бесстрашная сорокасемилетняя любительница свитеров носила очки, коротко стригла седые волосы и была деканом женского колледжа Дуглас при Ратгерском университете. Микробиолог по образованию и овдовевшая мать четверых детей, она случайно попала в администрацию университета после внезапной смерти своего мужа Хенри от опухоли головного мозга в 1954 году. Под руководством Бантинг в Дугласе произошли важные изменения. Мэри упразднила отдававшие школьным этикетом официальные обеды и обязательное ношение шляп. Она организовывала выступления известных лекторов, в том числе Аллена Гинзберга, Джона Кейджа и Марты Грэм, в надежде, что их речи вдохновят студенток на мечты о великом. Но они были всецело поглощены поиском мужей, поглощены настолько, что, казалось, не замечали предоставляемых им интеллектуальных возможностей. Студенческая газета объявила о недавних «пинингах» (когда девушка получала университетский значок своего парня как доказательство серьезных намерений) и помолвках, как будто колледж был магазином, на полках которого женщины-товары располагались только «до востребования».

Бантинг предложила комитету NSF начать исследования с выявления самых умных детей среди тех, кто не пошел в колледж – а значит, столкнулся с какими-то препятствиями и не смог реализовать свой потенциал. Чтобы ответить на свой собственный вопрос, Мэри ознакомилась с изысканиями, которые провел исследователь в области образования Дональд Бриджман. Данные исследования были приведены с разбивкой по гендерному признаку. Бриджман изучал очень способных учеников, IQ которых вывел их в топ-10 процентов, и в этом процентиле идентифицировал студентов, которые не стали поступать в колледж. Согласно заключению исследователя, более 90 % не поступивших в колледж способных учеников составляли женщины.

Впоследствии Бантинг рассказала своему биографу Элейн Яффе, что по результатам исследования практически «все мужчины с такими интеллектуальными способностями продолжали получать образование, а практически все женщины прерывали этот процесс»¹⁵⁹. Эти данные ошеломили Бантинг.

И дело было не только в том, что Америка теряла столько способных школьниц – женщин, которые могли бы изучать строение атома или расшифровывать новый код, но и в том, что большинство коллег Бантинг по комитету не сочли эти данные достойными внимания. Мэри знала, что они «хорошие люди, а не сексисты», и тем не менее они не проявили особого интереса к тому, чтобы остановить утечку женских кадров. Казалось, эти данные немного смутили мужчин, так что они с удовольствием закрыли бы глаза на такие цифры или даже предпочли бы их утаить.

«Я была сильно озадачена, – вспоминала Мэри впоследствии. – Я чувствовала, что смотрю в бездонный темный провал, который всю мою жизнь был прямо у меня под ногами, а я об этом и не подозревала. Он простирался и под их ногами тоже»¹⁶⁰. Годы спустя Бантинг назвала опыт членства в комитете NSF «пробуждением»¹⁶¹. В своей речи в 1957 году Мэри призналась, что «никогда не интересовалась женщинами как таковыми»¹⁶², отчасти потому, что за всю жизнь практически не сталкивалась с сексизмом. Бантинг была необычной женщиной

¹⁵⁸ National Defense Education Act of 1958. Title 1: General Provisions, sec. 101.

¹⁵⁹ Yaffe E. Op. cit.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Bunting-Smith M. I. Oral History. Bunting Personal Papers. Schlesinger Library. Radcliffe College. P. 87.

¹⁶² Bunting M. New Patterns in the Education of Women. Speech at Old Guard Summit. 1956, October 22. Рабочие документы Бантинг. Schlesinger Library, Radcliffe College.

– ей удалось выстроить безупречный баланс между личной и профессиональной реализацией в исторический момент, когда женщин снова и снова вынуждали выбирать что-то одно.

Страстно интересуясь наукой со школьной скамьи, Мэри Ингрэм изучала бактериологию в колледже Вассар, одной из элитарных школ ассоциации «Семь сестер». После окончания колледжа в 1932 году она получила докторскую степень в Висконсинском университете, где познакомилась с Хенри, второкурсником медицинского факультета. Они поженились и провели двадцать счастливых лет, кочуя из одного города Восточного побережья в другой – от Балтимора (штат Мэриленд) до Бетани (штат Коннектикут): оба супруга строили карьеру и заботились о растущей семье. Бантинг преподавала в колледжах Беннингтон и Гоучер. Когда Хенри поступил в медицинскую ординатуру Йельского университета, Мэри подрабатывала в университетской лаборатории. Они вместе ремонтировали дома и разводили коз, кур и пчел. В теплые дни Бантинг работала в саду топлесс, заклеив соски пластырями. Она явно гордилась тем, как готовит и ведет хозяйство: «Ну, все эти фокусы с домоводством – плевое дело»¹⁶³, – писала Мэри матери, женщине, которая пересылала ей свои ненужные вечерние платья. Но Бантинг никогда не ощущала, что домашнее хозяйство характеризует ее больше, чем, скажем, исследования бактерий *Serratia marcescens*.

Бантинги занимались домашним хозяйством совместно, это был процесс, требующий усилий и терпения обоих супругов. Так же было и с карьерой: Мэри просматривала рентгеновские снимки Хенри, а он вскрывал мышей для ее занятий¹⁶⁴. И хотя их брак во многом был традиционным – Хенри обеспечивал семью, а Бантинг радовалась, что может заниматься наукой, не беспокоясь о деньгах, – в отношениях супругов было гораздо больше равноправия, чем у большинства семей в 1930-х и 1940-х годах. Ознакомившись с исследованием Бриджмана, Бантинг взглянула на свою счастливую жизнь иначе, словно на выцветшую фотографию. Ускоренное обучение в аспирантуре, работа на полставки в Йеле, гранты, которые нельзя было оформить без подписи коллег-мужчин, небольшая зарплата – все это оказалось проявлениями более масштабной проблемы. Власти лениво позволяли ей заниматься чем-то своим, не удостоивая ее внимания. Страна так мало ждала от женщин, пусть даже и самых способных. А ведь Мэри повезло: большинство ее сверстниц постигла гораздо худшая участь. Бантинг вспомнила соседку из Коннектикута, которая считала, что должна быть благодарна мужу за то, что он разрешил ей сесть за руль семейного автомобиля, и других женщин, которым, по ее мнению, не хватало понимания цели в жизни. «Мне не нужно было беспокоиться о том, выходить замуж или нет, – размышляла Мэри много лет спустя. – Я просто должна была решить, когда и за кого. Думаю, мои родственники ожидали, что я выйду замуж, заведу семью и буду заниматься чем-то кроме нее. А я принимала это как должное».

Глядя на данные о том, сколько умных девушек даже не попали в колледж, Бантинг осознала, каким сложным было сочетание факторов, не позволяющих американкам заниматься интеллектуальным трудом¹⁶⁵. Родители, которые не поощряли в своих дочерях склонность заниматься «чем-то кроме»; учителя, которые не могли порекомендовать подходящий колледж; студенческие газеты, в которых писали о помолвках, а списки отличников не печатали; и многие мужчины-специалисты, вроде ее коллег по комитету, которых абсолютно не волновало, что тысячи женщин бросают учебу и больше никогда не вернутся в строй. Все и вся твердили американкам – и женщинам поколения Бантинг, и тем, кто следовал за ней, – что их «настоящая жизнь» – дома, вне общественной сферы. Америка могла проиграть холодную войну стране, которая в области исследований и инноваций полагалась как на мужчин, так и

¹⁶³ Yaffe E. Op. cit.

¹⁶⁴ Для реконструкции биографии и карьеры Бантинг я использовала несколько источников. Среди них – изустные истории, взятые из бумаг Мэри Инграхам Бантинг-Смит в Библиотеке Шлезингер. Кроме того, я обращалась к статье о Бантинг в *Time* и к биографии Яффе.

¹⁶⁵ One Woman, Two Lives // *Time*. 1961, November 3. P. 68.

на женщин. Женщины Советского Союза демонстрировали высокую научную компетентность: 30 % советских инженеров и 75 % врачей были женщинами. В то же время доля американок среди инженеров составляла всего 1 %, а среди врачей – всего 6 %. Соединенные Штаты впустую растрачивали драгоценный ресурс, который Бантинг впоследствии назовет «просвещенной женской рабочей силой»¹⁶⁶. Об этой проблеме задумывалась не только Бантинг. Многие чиновники и ученые в области образования соглашались, что с образованием женщин в США что-то не так, но они не могли прийти к согласию относительно того, в чем именно заключается проблема и как ее следует решать. В период с 1948 по 1963 год число женщин, поступивших в колледж, резко возросло – с 700 тысяч до почти 1,7 миллиона¹⁶⁷. И все же, по словам историка Линды Айзенман, администрация университетов относилась к таким студенткам как к «случайно затесавшимся»¹⁶⁸. Женщины не были желанными сотрудницами научно-исследовательских институтов (которые росли благодаря притоку федеральных денег), в профессиональной подготовке студенток не видели смысла, так как предполагалось, что при первых же признаках беременности они уйдут с работы. По мнению некоторых реформаторов образования, для женщин нужно было ввести больше занятий по брачному консультированию или домоводству, чтобы лучше подготовить их к роли домохозяек. Другие ратовали за ценность гуманитарного образования даже для неработающих матерей. К примеру, образованная женщина могла бы читать сонеты, чтобы не скучать, пока меняет подгузники.

Бантинг не принадлежала ни к одному из этих лагерей. Она полагала, что образование необходимо женщинам, чтобы они могли вносить свой вклад в исследования и инновации. Кроме того, она считала, что большинство женщин, если они заручатся поддержкой мужей и будут придерживаться жесткого графика, смогут иметь и семью, и карьеру. В Дугласе ее потрясло количество родителей, учителей, управленцев и выпускников, считавших, что женщины либо не могут преследовать интеллектуальных целей, либо могут делать это за счет своей личной жизни.

Атмосферу, в которой существовали американские женщины, Бантинг назвала «климатом заниженных ожиданий»¹⁶⁹. И ее целью стало изменить этот климат. По возвращении в Дуглас Бантинг была полна энергии. Она убедила школьный совет запустить образовательную инициативу для небольшой группы студенток вечернего отделения – замужних матерей, которые были старше других учащихся и могли приезжать в кампус только на час или два в день. В то время к вечернему обучению относились свысока: бытовало мнение, что знания вечерников очень поверхностны, но Бантинг была убеждена – эти студентки преуспеют в учебе. Была набрана группа из десяти женщин, и они оправдали ожидания Бантинг: практически все студентки попали в список отличников. Один из преподавателей назвал их «дугласской пехотой»¹⁷⁰. Эта программа помогла Бантинг сформировать понимание траектории женского образования: процесс длился всю жизнь, со множеством рывков и остановок. По сравнению с предыдущими поколениями женщины стали жить дольше, и большинство из них к тридцати годам уже проходили самые сложные этапы материнства. Их ждали десятилетия свободного времени. По словам Бантинг, эти женщины вливались в поток рабочей силы и выныривали из него, как водители, проезжающие по сети федеральных скоростных автомагистралей. Настало время сделать образование похожим на государственную систему автомагистралей со съездами и въездами, которые женщины могли бы использовать по своему усмотрению.

¹⁶⁶ *Bunting M. I. A Huge Waste: Educated Womanpower // The New York Times. 1961, May 7.*

¹⁶⁷ *Eisenmann L. Higher Education for Women in Postwar America, 1945–1965. Baltimore, 2006. P. 44.*

¹⁶⁸ *Ibid. P. 5.*

¹⁶⁹ Согласно изустным историям из бумаг Бантинг-Смит, Бантинг впервые использовала эту фразу на заседании Американского совета в 1957-м. Она часто использовала ее и после: например, в речи AWA 17 февраля 1960 года.

¹⁷⁰ *Yaffe E. Op. cit.*

Несмотря на свою деятельность в поддержку женщин, Бантинг не причисляла себя к феминисткам. Как и многие женщины 1950-х, Мэри считала феминизм радикальным и даже вредным: от него несло коммунизмом, богемностью и радикализмом. Более того, представление Бантинг и ей подобных о социальных изменениях отличалось от идей самопровозглашенных феминисток. В то время как последние стремились изменить правила социальной жизни общества, Бантинг и ее единомышленники хотели помочь отдельным женщинам быстрее усвоить эти правила, чтобы они не вызывали дискомфорта. Как вспоминала Эстер Раушенбуш, бывший президент женского колледжа Сары Лоренс, «исследования тех лет были направлены на то, чтобы помочь женщинам приспособиться; практически никто не выказывал беспокойства по поводу ответственности общества за изменение этих социальных моделей»¹⁷¹. Идея о том, что должно измениться само общество, была слишком революционной, и ее время еще не пришло.

Эти различия проявились особенно ярко благодаря случайной встрече реформаторки и революционерки. Превращая колледж Дуглас в образовательный трамплин для замужних женщин, Бантинг познакомилась с другой женщиной, которую волновали схожие проблемы. Бетти Фридан была независимой журналисткой и выпускницей одного из колледжей ассоциации «Семь сестер» (она окончила Смит), а также, как потом вспоминала Бантинг, «неудержимой и категоричной» женщиной¹⁷².

Женщины встретились, когда Фридан исследовала «процесс возвращения зрелых женщин на рынок труда» и живо интересовалась распространенным мифом о «счастливой домохозяйке» – женщине, которая для счастья не нуждалась ни в чем, кроме добротных прихвоток и хорошего пылесоса. Бетти хотела написать об этом, и не просто журнальную статью, а, возможно, что-то подлиннее, например книгу. Фридан пригласила Бантинг к сотрудничеству в своем книжном проекте: Мэри могла бы поделиться своими идеями на тему образования, а Бетти – с присущей ей страстностью – написать о «том, как женщинам не дают жить собственной жизнью»¹⁷³.

Четыре или пять раз Фридан на пригородном поезде ездила из округа Рокленд (штат Нью-Йорк) в Нью-Брансуик (штат Нью-Джерси), где они с Бантинг обсуждали планы написания того, что Мэри окрестила их «маленькой книжкой» (она никогда не устраивала шумихи вокруг своих проектов)¹⁷⁴. Женщины встречались в офисе Бантинг и час или два просматривали черновики глав будущей книги. По мере того как они лучше узнавали друг друга как женщины и мыслители, Бантинг все острее ощущала беспокойство. Фридан была излишне прямолинейна, озлоблена. Она считала, что проблемы женщин – результат мужского вмешательства в их жизни; Бантинг казалось, что Фридан мыслит в «категориях „мужчины против женщин“, что она демонизирует мужчин и то, что мужчины делают с женщинами»¹⁷⁵. Бантинг – гуманистке, счастливой жене и дочери квакера – пришлось не по вкусу полемический стиль и саркастический тон Фридан (БАСП нередко считали евреек слишком эмоциональными).

«Я скорее рассматривала эту проблему сквозь призму климата заниженных ожиданий, – объясняла Бантинг позднее, – из-за которого в ловушке оказались как мужчины, так и женщины. В книгу предполагалось включить много довольно-таки резких и не близких мне идей»¹⁷⁶. Мэри не делила общество на злодеев и жертв; она отказывалась обвинять мужчин в проблемах женщин или даже думать о том, что страдания женщин могут приносить мужчи-

¹⁷¹ *Raushenbush E. Occasional Papers on Education. Bronxville, 1979.*

¹⁷² *Bunting-Smith M. I. Oral History. Bunting Personal Papers. Schlesinger Library. Radcliffe College. P. 87.*

¹⁷³ *Ibid.*

¹⁷⁴ *Ibid.*

¹⁷⁵ *Ibid. P. 88.*

¹⁷⁶ *Ibid.*

нам пользу. И поэтому Бантинг призвала Фридан посмотреть на проблемы под иным углом, признать, что к некоторым из них существуют альтернативные подходы, но Бетти отвергла ее предложение. В конце концов они не сошлись. И пока Фридан стремительно дописывала «Загадку женственности», Бантинг вернулась к управлению Институтом.

В марте 1960 года Бантинг наконец получила возможность протестировать некоторые из своих наиболее новаторских идей по созданию просвещенной женской рабочей силы. Ее назначили президентом Рэдклиффского колледжа, но официально к своим обязанностям Мэри еще не приступила (эту работу ей предложили после того, как один из попечителей Рэдклиффа услышал ее выступление в Смите). Бантинг предложила скептически настроенному совету попечителей создать Рэдклиффский институт независимых исследований. Она объяснила, что финансирование небольшого сообщества женщин-ученых поможет не только самим стипендиаткам Института, но и студенткам Рэдклиффа, которые, как студентки Дугласа, будут вдохновляться примером более зрелых соратниц. Если эксперимент пройдет успешно, колледжи по всей стране смогут перенять этот подход.

Бантинг предложила этот план, когда в стране еще не существовало аналогов института. Больше всего это было похоже на ее же «женскую пехоту» в Дугласе (через пару лет Миннесотский университет запустил подобную программу непрерывного образования). Но Бантинг не нуждалась в шаблоне: исследовать вопросы, на которые никто не знал ответа, она полюбила еще во время работы в Вассарской бактериологической лаборатории. Идея создания института зародилась, когда Мэри начала работать в Дугласе, а возможно, что и в те счастливые дни в Бетани, где Бантинг чередовала занятия фермерством с научными изысканиями.

В течение нескольких лет Мэри вынашивала свою гипотезу (у нее было много гипотез, наскоро записанных в блокнот рядом с ежедневным почасовым расписанием): Бантинг полагала, что образованные женщины могли бы возобновить интеллектуальную карьеру, если бы им предоставили на это время, финансирование и другие ресурсы университета. Мэри представляла женщину, похожую на себя в молодости: мать четверых детей и обладательницу докторской степени, воодушевленную и материнством, и свежими исследованиями в избранной ею области. Этой женщине было нужно место вроде Йельской лаборатории: место, до которого несложно добраться и где в свободное время можно заниматься своими исследованиями, не беспокоясь о зарабатывании денег на нужды семьи. Она вспоминала своих соседок в Бетани: «Думаю, в каждом аккуратном маленьком кирпичном домике запрятано по крайней мере по одной женщине, которой нечем себя занять, – писала Мэри своей матери, когда жила там. – Если бы они сами стирали и т. д., то были бы при деле, но нет. Эти женщины только и делают, что ходят по гостям или кричат на детей, просто от скуки... Они рассуждают – голоса доносятся сквозь смотровое окно – о том, как усердно им приходится работать, но в сущности просто бесцельно слоняются в поисках развлечений»¹⁷⁷. Пусть Мэри и не слишком справедлива к тем женщинам, которые не могли похвастаться ее неослабевающей энергией, тем не менее она сформулировала одну из ключевых проблем идеала семейной жизни американского обывателя: не все образованные женщины были всецело погружены в ведение домашнего хозяйства.

Что произойдет, если блестящая, скучающая женщина получит все те преимущества, которыми она, Полли Бантинг, пользовалась в молодости? А что, если женщины по всей стране поймут: они, все они без исключения, тоже могут продолжить учиться и получить работу? Как резко скакнет уровень образованности американок, и возрастет ли количество научных кадров среди женщин? Рэдклифф, как утверждала Бантинг в тот мартовский день, – лучшее место для проведения этого «хлопотного эксперимента».

Смелое предложение от женщины, которая еще даже официально не вступила в должность президента Рэдклиффа. Все потому, что Бантинг была храброй. Один гарвардский про-

¹⁷⁷ Yaffe E. Op. cit.

фессор однажды сказал о ней: «Хотел бы я, чтобы в Гарварде был такой же мужественный президент, как миссис Бантинг»¹⁷⁸. Речь Мэри беспокоила членов совета попечителей. Раз это эксперимент, значит никто не гарантирует его успеха. Рэдклифф может потратить сотни тысяч долларов на каких-то посторонних женщин, – и ради чего? Есть ли способ узнать, что этот проект окажет положительное влияние на студентов Рэдклиффа? Более того, многие выпускницы Рэдклиффа казались вполне счастливыми домохозяйками; предположение о том, что они «сегрегированы» и никак не развиваются, могло их оскорбить. Совет попечителей сообщил Бантинг, что она должна будет провести кампанию по сбору средств для этого проекта самостоятельно и не обращаясь к постоянным спонсорам Рэдклиффа. Мэри с радостью приняла этот вызов.

Что бы ни стояло на пути Бантинг – финансовые проблемы, утомительные разъезды и даже смерть мужа, – она не сбавляла оборотов. Чтобы разработать бюджет и составить план, Мэри собрала женский экспертный совет. Ей удалось получить два гранта на пять лет: 150 000 долларов от корпорации Карнеги и 250 000 долларов от Фонда братьев Рокфеллер. Кроме того, Бантинг заручилась поддержкой преподавателей Гарварда, включая декана (и будущего советника по национальной безопасности) Макджорджа Банди, а также известных писательниц, в том числе Адриенны Рич, политического теоретика Ханны Арендт и драматурга Лилиан Хеллман, которая вошла в экспертную комиссию института. Мэри нашла и человека на должность директора: им стала Констанс Смит (Конни, как ее звали друзья), до этого занимавшая должность доцента политологии в Дугласе. У Смит были темные волосы, ярко-зеленые глаза и широкая улыбка. Она очень хотела поскорее вступить в должность и получила официальное назначение 9 января 1961-го. Ее зарплата составила 12 000 долларов.

Все считали Смит прирожденным директором. Она была доброжелательна и внимательна и, как «приветливый вертящийся дервиш»¹⁷⁹, интуитивно понимала потребности окружающих. Одна из стипендиаток института говорила, что Смит была «потрясающей» и что «лучше человека на эту должность было не сыскать». Смит расположила к себе ассистентку Бантинг Рене Брайант и написала Мэри, что они втроем отлично сработаются.

Все становилось на свои места. В ноябре 1960 года вышел пресс-релиз, в котором «выражалось сожаление по поводу отсутствия в нашей стране стимулов и возможностей для талантливых граждан»¹⁸⁰ и осуждался «анти-интеллектуальный климат» страны, который «особенно сильно ограничивал тех женщин, чьи основные обязанности в течение по меньшей мере десяти лет заключались в ведении домашнего хозяйства». Эта мысль получила развитие в опубликованном в том же месяце глянцевого буклете, где утверждалось, что женская интеллектуальная неудовлетворенность подвергает опасности семьи, а следовательно, и государства. «Это ощущение застоя может пагубно сказаться даже на самом счастливом браке, – предостерегал буклет, – когда одаренная женщина вынуждена тратить свое время на безуспешный или полу-успешный поиск способов интеллектуальной самореализации, это может обернуться против брака и привести к полному разочарованию»¹⁸¹. Образованные женщины не должны быть мятушимися активистками. И если пионерки женского образования были «искательницами справедливости и реформаторками: страстными, бесстрашными, красноречивыми, но, порой, слишком шумными», сегодняшние женщины не обязаны соответствовать этому стереотипу. А напоследок в буклете сообщалось, что «ожесточенным битвам за права женщин пришел конец». Деятельность института, как и многие другие реформы в сфере женского образова-

¹⁷⁸ Down-to-Earth College President: Mary Ingraham Bunting // The New York Times. 1969, April 29. P. 28.

¹⁷⁹ Олсен К. Интервью автору. 16 июня 2016 года.

¹⁸⁰ Radcliffe Institute for Research or Radcliffe Center for Continuing Scholarship. Пресс-релиз. Ноябрь 1960 года. Архив Рэдклиффского института.

¹⁸¹ The Radcliffe Institute for Independent Study. Буклет. Ноябрь 1960 года.

ния той эпохи, представлялась как аккуратно корректирующая и так проложенный в нужном направлении курс жизни.

Институт должен был укреплять действующие нормы, а не угрожать им, и во многом именно из-за этого он не мог решить специфические проблемы женщин рабочего класса и цветных женщин, жизнь которых развивалась совсем по другому сценарию. Во-первых, программа, рассчитанная на неполный рабочий день, ничего не дала бы женщинам, работающим по найму и нуждающимся в полноценной зарплате. Проблема таких женщин заключалась не в том, что у них не было возможности работать, а в том, что они получали недостаточное вознаграждение за свой труд. В эпоху, когда подбирать сотрудников по половому признаку еще было законно, женщины обычно соглашались на более низкооплачиваемую работу (хотя в настоящее время дискриминация по половому признаку при приеме на работу является незаконной, эта тенденция сохраняется и сегодня). В 1960 году средняя заработная плата женщин, работающих полный день, составляла 24 590 долларов в год, в то время как мужчины получали 40 586 долларов (суммы пересчитаны с учетом инфляции на 2019 год)¹⁸².

Между тем положение образованных чернокожих женщин разительно отличалось от ситуации их белых соратниц. По словам историка Паулы Гиддингс, в 1950-е годы, когда белые женщины массово бросали вузы, доля чернокожих женщин-выпускниц, напротив, росла. К 1952–1953 учебному году количество полученных чернокожими женщинами дипломов в исторически «черных» учебных заведениях составило 62,4 %; число выпускниц не уступало количеству выпускников-мужчин по всей стране¹⁸³. В результате возросла и численность женщин-специалисток. Вскоре в процентном соотношении их число превзошло количество чернокожих мужчин в профессиональных и полупрофессиональных областях. Однако от домашних обязанностей женщин это не освободило: в 1950-хдвигающиеся вверх по карьерной и социальной лестнице чернокожие женщины, многие из которых продолжали работать вне дома, не понимали, как заниматься хозяйством в новом статусе представительницы среднего класса¹⁸⁴. Им не на кого было ориентироваться, поскольку их матери обладали гораздо более ограниченными ресурсами.

Чернокожие представительницы среднего класса и их белые соратницы столкнулись со множеством сходных трудностей и ожиданий, но их проблемы проявлялись по-разному и требовали непохожих решений. В общем, для многих чернокожих женщин, которые и так всю жизнь стремились улучшить свое экономическое положение, призывы распрощаться с инертностью и проявить инициативу прозвучали бы странно и неубедительно.

Ориентированные на нужды белого населения американские СМИ приветствовали основание Института. Событие получило широкое освещение от Торонто до Галсы. «Рэдклифф планирует вывести умных женщин из кухни», гласил заголовок *Newsday* из Гарден-Сити (штат Нью-Йорк). *The World-Herald* в Омахе опубликовал репортаж «Создано пространство для одаренных женщин». Бантинг свободно владела риторикой холодной войны. Она написала объемную статью для *The New York Times Magazine* об «утечке высококвалифицированной, образованной женской рабочей силы», связав свой эксперимент с американскими внешнеполитическими целями. В статье «Грандиозная утечка: образованные женщины» Мэри утверждала, что «образовательные учреждения должны поощрять способных студенток вечерних отделений – замужних женщин, – оказывая им материальную поддержку и предоставляя более гибкий учебный график». Бантинг заверила читателей, что «учеба в надлежащем количестве прекрасно сочетается с домашним хозяйством», и признала, что между мужчинами и женщи-

¹⁸² U. S. Census Bureau, Current Population Survey, 1961 to 2009 Annual Social and Economic Supplements.

¹⁸³ Giddings P. When and Where I Enter: The Impact of Black Women on Race and Sex in America. New York, 2006. P. 245–246.

¹⁸⁴ Ibid. P. 251.

нами могут быть «врожденные различия», но достоверно установить это невозможно без стандартизации условий их роста (Бантинг всегда оставалась ученым).

Затем Мэри описала Институт как решение поставленной проблемы. В нем будет «место для работы без необходимости отвлекаться на внезапно возникающие бытовые вопросы, без вынужденного погружения в рутину за счет отложенной в долгий ящик идеи или мечты, без чувства вины перед детьми и вопросов, оставшихся без ответа». Бантинг заканчивала статью обращенным к женщинам призывом вносить вклад в жизнь общества. Мэри взывала к типично женскому альтруизму: «Это нужно не столько для женщин, – писала она, – сколько для нашего наследия, наших устремлений: Америка должна вновь, вдумчиво и осмысленно, определить их место в нашем обществе». Поступайте в институт не для себя, – как бы говорила она, – но сделайте это для своей страны. По счастливой случайности личные интересы и патриотический долг вели к одной цели.

После объявления об открытии Рэдклифф наводнили письма со всей страны: из Статен-Айленда, из Сан-Франциско, с Пьерпонт-стрит в Бруклине и с фермы «Серый гусь» в Джаффри (штат Нью-Гэмпшир). Корреспонденция приходила и с соседних улиц Кембриджа, и из-за границы. Авторами большинства писем были замужние женщины – те, что подписывали письма и документы именем и фамилией мужа. В некоторые конверты были вложены чеки – на 5, 10 и даже 300 долларов (почти 2,5 тысячи долларов по текущему курсу). Джейн М. Чемберлен (миссис Дэвид Б.), выпускница Рэдклиффа 1950 года, прислала чек на 5 долларов и короткую записку, на которой чернилами ярко-красного цвета было написано: «Дорогой Рэдклифф, я люблю тебя!»¹⁸⁵

¹⁸⁵ Чемберлен Д. М. Письмо М. Бантинг от 21 января 1961 года. Рабочие документы Бантинг. Архив Рэдклиффского института.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.